

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

М. А. ТИХАНОВА

О ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1

В истории населения лесостепной полосы Восточной и Центральной Европы важное место занимает период, охватывающий последние столетия до нашей эры и первую половину I тысячелетия н. э., — время, когда в письменных источниках (трудах античных писателей) впервые под именем венедов упоминаются славяне. Археологически этот период представлен так называемой культурой полей погребений, или полей погребальных урн¹.

Большинство советских археологов-славистов вплоть до самого недавнего времени рассматривало культуру полей погребений как славянскую. Однако такие взгляды разделяют в настоящее время далеко не все археологи².

Действительно, в данном вопросе многое остается еще спорным и недоказанным.

Как известно, первые открытия памятников культуры полей погребений на территории Восточной Европы связаны с именем В. В. Хвойки. В конце 90-х годов XIX — начале XX в. при обследовании курганов и городищ Киевской земли им были случайно обнаружены могильники культуры полей погребений, до того совершенно неизвестные в Поднпровье, как и во всей лесостепной полосе Восточной Европы. Тогда же В. В. Хвойка провел раскопки разведывательного порядка у сс. Зарубинцы и Ромашки и большие раскопки могильника у с. Черняхов.

Если в первых двух В. В. Хвойка вскрыл только единичные захоронения (два — в Зарубинецком могильнике, пять — в Ромашковском), то раскопки в Черняхове раскрыли, по-видимому, все или почти все захоронения этого могильника (252 погребения)³.

При публикации отчетов о раскопках В. В. Хвойкой были, однако, допущены некоторые неточности⁴. Тем не менее значение деятельности В. В. Хвойки очень велико. Он сумел не только обнаружить и частично опубликовать новые памятники, но и дать

¹ Основные мысли настоящей статьи подробнее развиты в работе автора «Культура полей погребений», законченной еще в 1954 г.

² Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник полей погребений в Привольном (по материалам Днепропетровской археологической экспедиции). СА, XXII, 1955, стр. 125. См. обсуждение вопроса о генезисе феодализма в России и о возникновении древнерусского государства. ВИ, 1956, № 3, стр. 302—305; Е. В. Максимов. Обсуждение вопросов ранней истории восточных славян в Институте археологии АН УССР. КСИА, вып. 6. Киев, 1956, стр. 72—78; В. Z á s t ě r o v á. Hlavní problémy z počátku dějin slovanských narodů. Sb. Vznik a počátky Slovanů I. Praha, 1956, стр. 66.

³ В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднпровье, ЗРАО, нов. сер., т. XII, СПб., 1901, стр. 172—190; его же. Погребальные поля в Киевской губернии. АЛЮР, т. II, Киев, 1900, стр. 117—118. Прибавление к ИАК., вып. 3, СПб., 1903, стр. 50—51; Раскопки в с. Ромашках Васильковского у. Киевской губ. АЛЮР., т. I, 1899, стр. 80; Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднпровья, вып. IV, Киев, 1901, стр. 5—8, рис. 6—7 и табл. XVIII—XX; Отчет Исторического музея за 1908 г., М., 1908 г.; табл. II; А. А. Спицын. Поля погребальных урн, СА, X, 1948, стр. 55—64; P. Reinecke. Aus der russischen archäologischen Litteratur mit 5 Abb. (Gräberfelder vom Ende der Latènezeit und aus der jüngeren römischen Kaiserzeit im Gouvernement Kiew). Mainzer Zeitschrift. Mainz, 1906, стр. 42—50.

⁴ Так, часть материалов Черняховского могильника была издана, как происходящая из с. Ромашки; в число керамики из Зарубинецкого могильника были включены сосуды из различных мест Поднпровья (Пищальники, Вита, Пуховка), где В. В. Хвойка проводил разведки. Эта неточность в работе В. В. Хвойки ввела в заблуждение и П. Н. Третьякова, который включил в таблицу вещей из Зарубинецкого могильника в своей книге: «Восточнославянские племена» (М., 1953, стр. 113, рис. 24) две миски из Виты и Пищальников и большой сосуд (в центре) — из Пуховки.

им правильную датировку, а также наметить их ареал (Среднее Поднепровье, Подолия, Волынь)¹.

Несколько ранее могильники культуры полей погребения были обнаружены на территории Верхнего Поднестровья (тогда в пределах Австро-Венгрии). В 1898 г. Кароль Гадачек произвел раскопки крупного поселения первой половины I тысячелетия н. э. в с. Неслухове Львовской области², а затем раскопки большого могильника в с. Гаче под г. Пшеворском, на р. Сан³. В 1912 г. добытый ранее материал был им обобщен в тесной связи с памятниками полей погребений Среднего Поднепровья, открытыми В. В. Хвойкой⁴. Все же объем материалов, добытых в дореволюционные годы, был ничтожно мал. Помимо перечисленных выше памятников в Поднепровье и Поднестровье и единичных находок на юге Волыни и в Побужье, было обнаружено, правда, довольно значительное количество кладов и отдельных находок римских монет и предметов импорта, однако они не были тогда увязаны с группой памятников культуры полей погребений.

В 20-х годах XX в. в результате разведочных работ, организованных Всеукраинским Археологическим комитетом в различных районах право- и левобережья Днепра (в частности, в районе строительства Днепрогэса) и на Днестре, был обнаружен ряд новых могильников и поселений культуры полей погребений⁵.

Однако работы 20-х годов XX в. при всей их принципиальной значимости ограничивались по сути дела лишь сбором подъемного материала и небольшими раскопками разведывательного характера. Только в конце 30-х годов XX в. наступил перелом и появился целеустремленный интерес к этой группе памятников. Советские археологи и историки, разрабатывая проблемы древнейшей истории русского, украинского и белорусского народов и их материальной и духовной культуры, обратились к рассмотрению и памятников первых веков нашей эры на широких пространствах лесостепи Восточной Европы⁶.

Накануне Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Институтом археологии АН УССР была начата подготовка монографических изданий открытых в прошлом памятников культуры полей погребений и археологической карты этих памятников⁷. Тогда же было начато археологическое обследование территории Украины, проводившееся совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР⁸. Война прервала осуществление этого плана.

По окончании войны поиски и изучение памятников культуры полей погребений возобновились в больших масштабах. Они проводятся совместными усилиями Института археологии Академии наук УССР и ее Львовского филиала, Института истории материальной культуры АН СССР и ее Молдавского филиала при участии местных музеев.

В результате этих работ намного увеличилось число известных памятников культуры полей погребений, особенно поселений, расширился и их ареал за счет тех районов,

¹ В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 43—65.

² K. H a d a c z e k. Ausgrabungen bei Niesluchów in Galizien. Mittheil. der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Bena, 1899.

³ Его же. Cmentarzysko ciałopalne kolo Przeworska. Teka konserwatorska, III, Lwów, 1909.

⁴ Его же. Kultura dorzeczu Dniestru w epoce cesarstwa rzymskiego. МААЕ, т. XII, 1912, стр. 1—42, табл. V—XII.

⁵ М. Рудинський. Кантимирівські могили римської доби Зап. ВУАК, т. I, Київ, 1930; А. В. Добровольський. Матеріали до археологічної карти Дніпровського Падпорижжя (за матеріалами Дніпрогесівської експедиції). Археологія, т. VII, Київ, 1952, стр. 86—78; П. Смолічев. Археологічні розкопки на терені Дніпрельстану в с. Кічкаси Запорізької округи у вересні — жовтні р. 1927. Сборник Дніпропетровського Музею. Дніпропетровск, 1928; его же, Археологічні досліді в околицях м-ка Златопілля на Черкащині року 1926 (Коротке Звідомлення за розкопи біля с. Маслової), КЗ ВУАК за 1926 рік, Київ, 1927; Новіши археологічні досліді на терені Білоцерківщини. Перевірочні розкопи у с. Ромашки. Хроніка археології та містецтва, т. II, Київ, 1930, стр. 40—41; М. Рудинський. Досліді на Кам'янецьчине, КЗ ВУАК за 1926 рік, Київ, 1927; его же. Досліді на Полтавщині. КЗ ВУАК за 1926 рік; М. Макаренко. Археологічні досліді та розшуки на Прилуччині КЗ ВУАК за 1926 рік, стр. 111—112; М. Семенчик. Випадкові археологічні знахідки на Роменщині. Хроніка археології та містецтва, ч. I, Київ, 1930, стр. 70—71.

⁶ История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. М.—Л., 1939 (на правах рукописи), ч. III—IV; Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1939; В. В. Мавродин, Левобережная Украина. Л., 1940.

⁷ Л. М. Славин. Конференція по вивченню скифсько-сарматському періоду. Вісті ВУАН за 1939 г., № 5, стр. 63—65.

⁸ П. Н. Третьяков. Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. КСИИМК, вып. X, 1941, стр. 120—124; И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного левобережья (по материалам полевых изысканий 1940, 1945—1948 гг.). СА, XIII, 1950, стр. 7—32; М. Ю. Смишко. Селище доби полів поховань у Вікнинах Великих. Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 111—121.

где они не были известны вовсе или насчитывались единицами (на левобережье Среднего Днепра, в степных районах, в Среднем Поднестровье, в Нижнем Поднестровье, в Побужье, на Волянн¹). Значительно обогатились сведения и в отношении более северных и западных районов — Верхнего Поднестровья, бассейнов рек Березины и Припяти², памятники которых ранее были почти неизвестны. Определился круг памятников северной группы полей погребений (Среднее и Верхнее Поднепровье), известных под именем зарубинецкой культуры.

Настоящая статья посвящена южной группе памятников культуры полей погребений, специально черняховской культуре.

При всей значительности размаха, который приняли полевые работы последних лет, уровень наших знаний о памятниках черняховской культуры все же остается совершенно недостаточным. Объясняется это тем, что при все возрастающем количестве сведений о поселениях и могильниках этой культуры археологи до сих пор не располагают полноценными источниками, т. е. памятниками, раскопанными целиком, исчерпывающе изученными путем раскопок в такой степени, чтобы можно было на основании их составить вполне отчетливое представление о жилищах, хозяйственных сооружениях, сельскохозяйственном производстве, орудиях труда, быте населения. Крайне недостаточны раскопки могильников. Отсюда проистекает и нерешенность самой проблемы, неуточненность ее содержания, спорность ее территориальных границ, неразработанность ее локальных вариантов (условно покрываемых общим наименованием черняховской культуры полей погребений), невыясненность социально-экономических отношений, недостаточная ясность ее хронологических границ. Наиболее спорным остается вопрос об этнической принадлежности населения культуры полей погребений. Вот почему наряду с обобщением материала необходимо организовать углубленное и комплексное (одновременные раскопки поселения и могильника) исследование памятников в определенных заданных районах. Только такие исследования памятников и их истолкование с привлечением данных письменных источников, этнографии, антропологии и лингвистики смогут разрешить разногласия в определении историко-культурной значимости и этнической атрибуции памятников черняховской культуры полей погребений и дать научно обоснованное истолкование этой культуры и ее места в истории населения лесостепных пространств Центральной и Восточной Европы.

2

Рассмотрение памятников черняховской культуры³ отчетливо показывает исключительное единообразие этой культуры на широких пространствах от Среднего Поднепровья на востоке до Верхнего Поднестровья и Повисленья — на западе, низовьев Дуная и Северо-Восточной Трансильвании — на юге. Это культурное единство проявляется в почти полном тождестве топографии и характера поселений, в необычайном сходстве гончарной керамики (точнее, некоторых ее групп), а также в близости орудий труда, бытовых предметов и мелких украшений. Однако при несомненном единстве общего облика в черняховской культуре все же отчетливо проступают и существенные местные различия. Эти различия проявляются в своеобразии лепной керамики, в любви к определенным украшениям и орнаментам, в особенностях погребального обряда и погребальных сооружений. Проявляются они и в домостроительстве, долго сохраняю-

¹ Краткие информации и более развернутые отчеты о раскопках, проведенных за 1945—1956 гг., опубликованы в изданиях Института археологии АН УССР: Археологія, тт. I—X, 1947—1957; Археологічні пам'ятки, вып. 1—V, Київ, 1949—1952; КСИА, вып. 1—7, Киев, 1952—1957; Доклады VI научной конференции Института археологии, Киев, 1953. Отчеты-информации о работах некоторых экспедиций были также опубликованы в «Известиях Молдавского филиала АН СССР», № 5 (25) (Кишинев, 1955), в «Вестнике ЛГУ» (1946, № 45, 1947, № 2, 1948, № 11), в «Наукових записках Київського держ. Університету», т. IX, вып. V (Київ, 1950) и в «Трудах Канівського Біогеографічного заповідника», № 8 (Київ, 1950).

² П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, М., 1953; е го же. У истоков древней Руси. Сб. «По следам древних культур», ч. 2. Древняя Русь, М., 1953, стр. 9—34; е го же. Северные восточнославянские племена. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 1; е го же. Раннеславянские поселения и могильники на территории Белоруссии. КСИА, вып. 4, 1955, стр. 49—51; Ю. В. Кухаренко. Могильники полей погребений в Верхнем Поднепровье (по данным раскопок 1951—1952 гг.). КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 80—85; е го же. Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 33—38; е го же. Некоторые итоги изучения Припятского Полесья, КСИА, вып. 7, 1957, стр. 91—93.

³ В настоящей статье мы не останавливаемся специально на вопросах датировки черняховской культуры, как известно, также дискуссионном. Напомним лишь, что время ее существования мы, как и раньше, ограничиваем периодом III—IV вв. н. э. (может быть, с самого конца II по начало V в. н. э. для отдельных районов). См. М. А. Тиханова. Археологические памятники Среднего Поднестровья в первой половине I тысячелетия н. э. КСИА, вып. 2, 1953, стр. 15—19; е е же. Из материалов Дубоссарского отряда Молдавской экспедиции. КСИИМК, вып. 57, стр. 92—99; е е же. Поселение культуры полей погребений в Луке Врублевской Хмельницкой области. КСИА, вып. 4, стр. 45—46; Всемирная история, т. II, М., 1957, стр. 709—710.

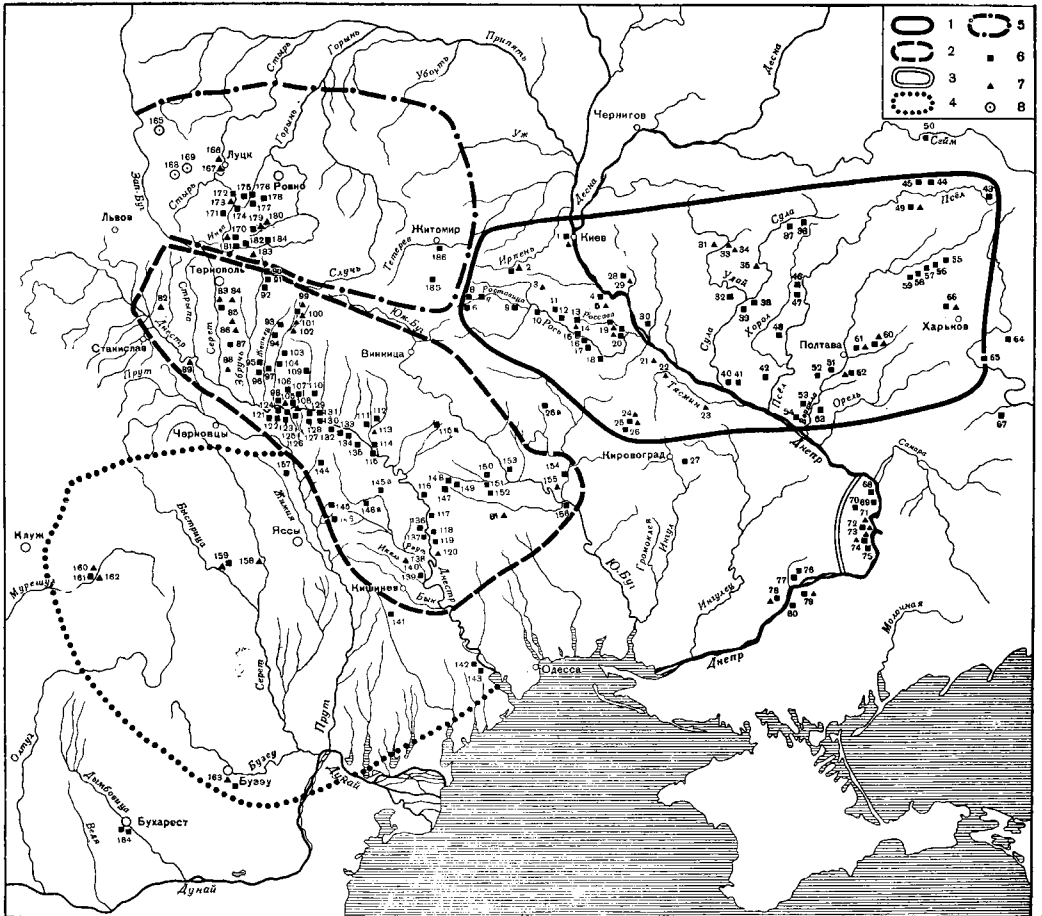

Рис. 1. Локальные варианты черняховской культуры. 1—5 — приблизительные границы распространения локальных вариантов черняховской культуры (1 — район Среднего Поднепрорья; 2 — район Поднепровья; 3 — район Порожистого Днестра; 4 — район Дунайского бассейна; 5 — Вольнский район); 6 — поселение; 7 — клад; 8 — клад; 9 — клад.

Места находок памятников черняховской культуры

- 1 — Киев; 2 — Деловщина; 3 — Борохтанская Ольшанка; 4 — Жуковцы; 5 — Черняхов; 6 — Бельювка; 7 — Ружин; 8 — Ягятичи; 9 — Шамраевка; 10 — Шкаровка; 11 — Житые торжи; 12 — Ракитки; 13 — Ромкичи; 14 — Телешовка; 15 — Ольшаничи; 16 — Бузуслав; 17 — Биевцы; 18 — Стебелев; 19 — Мартыновка; 20 — Малая Радзевка; 21 — Красная слобода; 22 — Медведовка; 23 — Галагановка; 24 — Турки; 25 — Мисловка; 26 — Андрица; 27 — Дмитручи; 28 — Адзямка; 29 — Бровки; 29 — Переяслав-Хмельницький; 30 — Шабельники; 31 — Динювцы; 32 — Калайденцы; 33 — Белодерговицы; 34 — Гурбинцы; 35 — Лохвицы; 36 — Коротицы; 37 — Волковы; 38 — Бойки; 39 — Звукати; 40 — Выпальцево; 41 — Градишкы; 42 — Мажелья; 43 — Пересиль; 44 — Услошка; 45 — Гредасово; 46 — Раховка; 47 — хутор Терновой бл. В. Сорочинцев; 48 — Грячка; 49 — Шимарово; 50 — Авдеевка; 51 — Кушчи; 52 — Н. Сенжары; 53 — Кобеляки; 54 — Иславка; 55 — Хотмыжск; 56 — Лутоное; 57 — Яблонное; 58 — между Райбиной и Добрянском; 59 — Писаревка Сумской обл.; 60 — Кантемировка; 61 — Сариковка; 62 — Писаревка; 63 — Сухиславка; 64 — Мартола; 65 — Черняковский Вышкы; 66 — Чересное; 67 — Запаловка; 68 — Воложское; 69 — Павловское; 70 — Башмачка; 71 — Федоровка; 72 — Августиньки; 73 — Ново-Александровка; 74 — Привальное; 75 — Большая Хортица; 76 — Грушевка; 77 — Кут; 78 — Гаврилювка; 79 — Каменка; 80 — Б. Лепетка; 81 — Залызы; 82 — Псары; 83 — Тереховка; 84 — Гледава; 85 — Уфисла; 86 — Цесно; 87 — Жайинцы; 88 — Залеско; 89 — Городища; 90 — Густяны; 91 — Лышковицы; 92 — Юзефовка; 93 — Иваницы; 94 — Березинцы; 95 — Репинцы; 96 — Фрироновцы; 97 — Каленцы; 98 — Браги; 99 — Зовалышкы; 100 — Саратинцы; 101 — Сквиче; 102 — Кули; 103 — Нетки; 104 — Каменич Подольск; 105 — Великая Мука; 106 — Вагонцы; 107 — Станиславка; 108 — Лука-Врублевская; 109 — Михайловка; 110 — Иваницы; 111 — Оларинцы; 112 — Григоровка; 113 — Вилы Ярусские; 114 — Яруга; 115 — Михайловка (Яруская); 116 — Яланец; 117 — Белоч; 117 — Рыбинцы; 118 — Попенки; 119 — Журки; 120 — Михайловка (Михайлова); 121 — Дарбинцы; 122 — Катинька; 123 — Оселька; 124 — Белова; 125 — Бороновицы; 126 — Макарьевка; 127 — Ленковцы; 128 — Грушевицы; 129 — Рестев; 130 — Кельменцы; 131 — Комаров; 132 — Молодова; 133 — Корны; 134 — Ломачинцы; 135 — Воложковка; 136 — Лопати; 137 — Мирешты; 138 — Гарманец; 139 — Слободя Луки; 140 — Лукашкы; 141 — Градиште; 142 — Кроймак; 143 — Гуторово; 144 — Братушаны; 145 — Глодяны; 146 — Флоренти; 146 — Фалезты; 146а — Александраны; 147 — Червишцы; 148 — Гробо; 149 — Лубуша-псы; 150 — Печыж; 151 — Крипичи; 152 — Корчино; 153 — Сабитинька; 154 — Новитонь (Саражинька); 155 — Давидова Балка; 156 — Грушевка; 157 — Грушевы; 158 — Ромы; 159 — Изваре; 160 — Маросентяны; 161 — Лекиня де Мурен; 162 — Марошаатаршань; 163 — Бузур-Альены; 164 — Бузурест; 165 — Ласков; 165 — Луки; 167 — Торка Подолька; 168 — Бороницы; 169 — Браны; 170 — Рудки; 171 — Рахманов; 172 — Тараканов; 173 — Дубин; 174 — Волыц-Стражыньскы; 175 — Мирогощи; 176 — Котвишкы; 177 — Липа; 178 — Строч-Варковичкы; 179 — Шумкы; 180 — Подлужье; 181 — Викими Велки; 182 — Матвеевка; 183 — Лановцы; 184 — Лесоска; 185 — Празев; 186 — Слободце

щем, как и погребальные сооружения и обряды, древние черты, веками слагавшиеся традиции того или иного племени, а иногда и рода, его верований, идеологии, духовного характера, устойчивых, длительных связей. Если подойти с этой точки зрения к рассмотрению памятников культуры полей погребений черняховской поры, то перед нами выступают местные особенности, специфические черты этой культуры в различных районах, что позволит наметить локальные варианты черняховской культуры¹.

Таких основных районов в настоящее время намечается пять: Среднее Поднепровье, Порожистый Днепр, Поднестровье, Нижний Дунай с Северо-Восточной Трансильванией и, наконец, Вольнь (см. карту.— рис. 1). Само собой разумеется, что предлагаемое членение является только первичной наметкой, которая подлежит дальнейшей проверке и уточнению.

Основной район, где были впервые открыты памятники черняховской культуры полей погребений и которые, естественно, являются мерилем, классическим образцом для определения остальных проявлений этой культуры,— это Среднее Поднепровье.

В Среднем Поднепровье распространены памятники как черняховской, так и зарубинецкой культур, территориально почти не совпадающие друг с другом. Памятники зарубинецкой культуры располагаются на севере, в бассейне рек Тетерева и Ужа и вдоль самого Днепра, начиная от устья р. Ирпеня до впадения в Днепр р. Стугны, на обоих берегах Днепра, а также частично в низовьях р. Роси (в окрестностях г. Канева). Есть они и на левобережье Днепра, не только в непосредственной близости к реке, но и в более глубинных районах: на р. Суле, в окрестностях г. Лубны и на левобережье р. Псла, в окрестностях г. Кременчуга. Здесь это в основном единичные погребения.

Южнее, на правобережье, по рр. Роси и Россаве и далее к югу по рр. Тясмину Выси, Тыкачах и Турии сосредоточены погребения с характерным сарматским инвентарем. Как правило, это вилочные погребения. По времени они почти синхронны зарубинецким (I—II вв. н. э.) и предшествуют черняховским².

Памятники черняховской культуры на правобережье Днепра располагаются в пределах лесостепной полосы и граничат со степью; в полосу лесов они не заходят. Севернее истоков р. Ирпеня и течения р. Стугны не обнаружено до сих пор ни одного памятника черняховской культуры. Исключение представляет район Киева, где на рубеже нашей эры и в I—II вв. н. э. известны могильники и поселения зарубинецкой культуры. Полностью отсутствуют памятники черняховской культуры и на берегах самого Днепра не только между рр. Ирпенем и Стругной, но и далее к югу, появляясь непосредственно у берега реки лишь значительно южнее — на Порожистом Днепре.

Особенно многочисленны черняховские поселения по левым, северным притокам Роси — рр. Роставице и Россаве, а также в среднем течении Роси — на рр. Негоде, Буртаке и Гороховатке, где они насчитываются десятками и расположены гнездами («кустами») ³. В относительно меньшем числе встречаются они в бассейне р. Тясмина и на правых притоках р. Синюхи, захватывая и левые притоки Южного Буга⁴.

На левобережье Днепра они начинаются на той же широте, что и на правобережье — близ устья р. Трубежа, и охватывают всё лесостепное левобережье Днепра, вплоть до Северского Донца на северо-востоке.

Размещаются эти памятники здесь неравномерно: в бассейне р. Ворсклы и в верхнем течении р. Северский Донец их больше, однако они встречаются и в бассейне рр. Псла и Сулы и по левому берегу Днепра от устья р. Орели до р. Трубежа.

Некоторое число памятников с керамикой и мелким инвентарем черняховского облика известно и в пределах степной полосы, но лишь там, где лесостепь и даже лес языками вклиниваются в степные районы; в сплошную ковыльную степь они не выходят.

Именно так расположен целый ряд памятников в нижнем течении р. Ворсклы (поселения в сс. Исаевке, Кобеляках, Ново-Сенжарах, Кунцах, Писаревке) и одно поселение на правобережье нижнего течения р. Псла, у с. Манжеля⁵.

¹ М. А. Тиханова. Археологические памятники..., стр. 19; Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном, стр. 125; М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 115.

² А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губ. ИАК, вып. 14, СПб., 1905, стр. 29—30; его же. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1908 г. ИАК, СПб., 1910, вып. 35, стр. 50—51, 172; его же. Отчет об исследовании курганов в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1909 г. ИАК, вып. 40, СПб., 1911, стр. 51; К. Ф. Смирнов. Итоги и очердные задачи изучения сарматских племен и их культуры. СА, XVII, 1953, стр. 146—147.

³ М. Ю. Брайтчевский. Слов'янські пам'ятки середнього Поросся. Археологічні пам'ятки, вып. III, Київ. 1952, стр. 57—65.

⁴ О. І. Тереножкін. Розвідка і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області. Археологія, т. VII, стр. 110—117; его же. Поселения и городища в бассейне реки Тясмина. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 80—82.

⁵ И. И. Ляпушкин. Памятники культуры полей погребений Левобережья Днепра. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 29—38; его же. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного левобе-

Хотя среднеднепровские поселения исследованы крайне недостаточно, все же удалось выявить специфические особенности их домостроительства. Жилища здесь наземные, прямоугольные в плане, типа хат-мазанок со стенами из прутьев, жердей или плах, обмазанных глиной¹. Характерны и печи — обычно глинобитные, со сводом на деревянном каркасе. Обращает на себя внимание отсутствие зерновых ям или иного типа кладовых. Что касается самих поселений, то они на правом берегу — обычно больших размеров, многослойные, на левобережье — чаще небольшие и однослойные; как правило, поселения располагаются на солнечных склонах первых надпойменных террас берега реки или ручья.

Рис. 2. Кувшины из погребений Днепровского левобережья

Специфична и керамика; на поселениях она почти исключительно гончарная, как столовая (серая лощеная, тонкостенная, прекрасного звонкого обжига), так и кухонная; лепная отсутствует вовсе или процент ее крайне невелик². Полностью отсутствует керамика зарубинецких форм. Относительно немногочисленны обломки амфорной тары, хотя встречаются они почти на каждом поселении как право-, так и левобережном.

Не менее выразительны и в то же время специфичны и среднеднепровские могильники. Как правило, в них встречаются одновременно труположения и трупосожжения³. В погребениях обычные сосуды для пищи и питья; миски (иногда трехручные) с положенными внутрь глиняными, а иногда и стеклянными кубками или чашами, кувшины биконической формы, характерные для Среднего Поднепровья (рис. 2), горшки для варки пищи. Число и состав сосудов и их расположение около тела покойника или его праха обусловлены погребальным ритуалом. Особенно многочисленны сосуды в детских погребениях⁴. Помимо сосудов в погребениях с труположениями встречается и мелкий погребальный инвентарь: фибулы, бусы, костяные гребни, морские раковины, подвески и др.

Покойники обычно лежат в вытянутом положении на спине, голову на запад⁵ с отклонением к северу или югу, или на север⁶.

режья..., стр. 7—32; А. Луцкевич. Материалы до карти поширення «пам'яток культури полів поховань на території Харківської області». Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 164—178.

¹ Э. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північнозахідному Правобережжі. Археологічні пам'ятки, т. I, Київ, 1949, стр. 153—164; В. М. Даниленко и А. Д. Столяр. Переяславська маршрутна експедиція. Археологічні пам'ятки, т. III, 1952, стр. 226—230; В. И. Довженок. Городища и селища на Роси и Россаве (по материалам разведки 1954 г.), КСИА, вып. 5, 1955, стр. 51—52; М. Ю. Брайчевский. О раскопках в Черкасской области в 1956 г. (Доклад в секции славяно-русской археологии пленума ИИМК АН СССР от 28. III. 1957.).

² Э. В. Махно. Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н. е. в верхній течії Сули. Археологічні пам'ятки, т. V, 1955, стр. 77—85.

³ В сс. Черняхове, Ромашках, Маслове — на правом берегу; в с. Гурбинцы, в Переяславле-Хмельницьком, а также в сс. Свинковке, Пересечном, Лохвице — на левобережье.

⁴ В Черняховском могильнике в захоронениях детей число сосудов доходит до 13—16.

⁵ В Черняховском могильнике, в Дидовщине, в одном из погребений в Ромашках и в Лохвице.

⁶ В Масловском могильнике, в Переяславле-Хмельницьком.

Трупосожжения известны двоякого типа — с захоронением праха в урнах и ямах. Сожжение трупа производилось на стороне; иногда покойный сжигался без погребальных даров. Вместе с пережженными костями покойника, тщательно очищенными от углей и золы погребального костра, производилось захоронение не побывавших в огне металлических украшений одежды и погребального инвентаря. В других случаях покойный сжигался вместе с погребальными приношениями, о чем свидетельствуют встречающиеся в расплавленном виде стеклянные бусы и даже стеклянные сосуды¹. Захоронения совершались в небольших ямках округлой формы на утрамбованной площадке².

Наряду с захоронениями с указанным выше погребальным инвентарем встречаются погребения вовсе без инвентаря. В некоторых случаях покойники положены с подогнутыми или перекрещенными ногами и поднятыми вверх руками или скорченными. Неоднородность погребального обряда отчетливо выступает как в наиболее хорошо исследованном Черняховском могильнике, так и в могильниках Масловском, Ромашкинском и в недавно открытом Лохвицком. Отчетливо выраженный сарматский характер некоторых погребений не вызывает сомнения. Так, в Черняховском могильнике был обнаружен скелет, череп которого носил следы прижизненной деформации. К сарматским принадлежит и самое богатое женское погребение Черняховского могильника (№ 160). Ориентированное головой на юго-запад, оно сопровождалось стеклянным кубком, стоявшим у таза покойницы, двумя серебряными пластинчатыми фибулами на плечах, костяным кольцом у пояса и множеством бус из стекла, композиции, янтаря и сердолика (последние четырнадцатигранные). Под спину покойницы были положены завернутые в ткань две монеты — серебряный денарий Фаустины Старшей (ум. в 141 г.) и золотая монета, являвшаяся «варварским» подражанием ауреусу Гордиана III (238—244)³. Инородными являются также ряд мужских и детских захоронений, вместе с которыми найдены кости барана с воткнутым в них ножом, положенные в миски или лежащие отдельно. В том же Черняховском могильнике была найдена пиришественная чаша, опоясанная фризом, в котором чередуются изображения конских голов с округлыми фаларами-атрибутами парадного конского убора. Явно сарматского типа и одно из трупоположений Лохвицкого могильника — на деревянной плахе со слегка согнутыми ногами и руками⁴. Особого внимания в Черняховском могильнике заслуживают погребения в деревянных склепах, как их назвал В. В. Хвойка, или камерах-срубах, глубиной до 4 м каждый⁵, в которых были, очевидно, погребены представители знати. Об этом говорят остатки богатого погребального инвентаря, почти целиком разграбленного.

Говоря о погребальных памятниках черняховской культуры в Среднем Поднепровье, мы намеренно не касались широко известных захоронений на р. Коломак в бассейне р. Ворсклы у с. Кантемировка⁶. Несмотря на наличие в этих погребениях в подбойных могилах и склепах под курганной насыпью черняховской керамики характерных днепровских форм (сосуды формы тывквы, трехручные миски, горшки и кубки), отнести эти погребения к черняховской культуре нет оснований. Как погребальный обряд, так и самые погребальные сооружения⁷ здесь особого, отличного от черняховских типа. Есть специфические особенности и в составе погребального инвентаря. В этих захоронениях есть все основания видеть погребения представителей сарматской знати⁸. В то же время в самой Кантемировке и в ближайшей к ней округе, в бассейне р. Ворсклы имеется ряд и собственно черняховских памятников⁹.

Нельзя не обратить внимания и еще на некоторые более мелкие, так сказать, специфические особенности среднеднепровской черняховской культуры. Проявляются они

¹ В Черняхове, в Маслове, в Пересечном, Переяславле-Хмельницком.

² Например, в Черняхове. См. также В. В. Хвойка. Раскопки могильника при с. Черняхово Киевской губ. и уезда (рукопись). Архив ИИМК, ЛОА, дело АК № 29/1900, лл. 73 слл. В Лохвицком могильнике захоронение праха производилось только в урнах-горшках и без обставляющих сосудов. Д. Т. Березовец. Лохвицкий могильник. КСИА, вып. 7, Киев, 1957, стр. 89—90.

³ Отчет Историч. Музея за 1908 г., табл. II, а также М. А. Тиханова. Борчицкий клад. СА, XXV, 1956, стр. 311, рис. 4.

⁴ В могильнике вскрыто всего 20 погребений (12 трупоположений, восемь сожженных, расположенных совершенно бессистемно). См. Д. Т. Березовец. Лохвицкий могильник, стр. 89.

⁵ В. В. Хвойка. Поля погребений..., стр. 181.

⁶ М. Рудинські й. Кантемірівські могили римської доби; е го же. Збірки Полтавського Музею, стр. 54—55.

⁷ Погребение № 1 — в вырезанной в материке шахте с подбоем и дромосом, накрытыми земляной насыпью; покойник помещен в сидячем положении, лицом на восток. В погребении № 3 покойник захоронен в склепе на деревянном помосте также в сидячем положении.

⁸ Сарматскими считают кантемировские погребения также и К. Ф. Смирнов (см. «Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен», стр. 133) и И. И. Ляпушкин (см. «Памятники культуры полей погребений первой половины I тысячелетия н. э...», стр. 15).

⁹ Например, в Свинковке, Писаревке. См. И. И. Ляпушкин. Памятники культуры полей погребений..., стр. 30 и карта.

как в наличии здесь некоторых излюбленных форм и орнаментаций керамики, так и в отдельных разновидностях украшений и бытовых предметов.

Уже ранее упоминавшиеся миски и особенно трехручные и биконические кувшины имеют здесь формы, близко напоминающие формы металлической посуды¹. Специфичны для Среднего Поднепровья жбаны и двуручные амфоровидные сосуды², и в то же время относительно редки большие пифособразные сосуды для хранения запасов (главным образом — зерна)³. Те, что здесь встречаются, имеют несколько иную форму и лишены орнаментации, столь типичной для других районов.

Среди украшений встречаются топовидные подвески и отсутствуют ведркообразные; отсутствуют также некоторые разновидности фибул (с высоким держателем иглы и Т-образные) и, наоборот, повсеместно распространены фибулы с обернутой (или подвязанной) ножкой и пластинчатые фибулы⁴.

3

Особое место в черняховской культуре полей погребений занимает район Порожистого Днепра (Днепровская Лука). Самое расположение и некоторые черты поселений и могильников, а также керамики и мелкого инвентаря заметно отличают эту группу от памятников Среднего Поднепровья⁵.

Начало обследования района Порожистого Днепра связано, как уже говорилось, со строительством Днепрогэса, когда специальная археологическая экспедиция подвергла обследованию всю территорию затопления. Ею были обследованы памятники различных эпох, начиная от неолита и бронзы, и памятники более позднего времени, среди которых не последнее место занимали и древности культуры полей погребений. На открытых экспедицией поселениях и могильнике у с. Привольного были проведены раскопки.

Обследование этой территории и поиски новых памятников продолжались и позднее. С 1938 г. здесь начинает систематическое собирание материалов местный археолог А. В. Бодянский. В 1940 г. археологические разведки и небольшие раскопки производил И. Н. Фещенко⁶. В послевоенные годы (1950—1953) здесь работала Славянская экспедиция Института археологии АН УССР⁷.

В результате этих обследований и частичных раскопок выявилась густая заселенность правобережья Порожистого Днепра в первой половине I тысячелетия н. э.⁸ В южной части этого участка между гг. Днепропетровском и Запорожьем на протяжении около 35—40 км было выявлено до 10 пунктов с культурой полей погребений, удаленных друг от друга в среднем не более чем на 3—5 км. Все эти поселения относительно небольших размеров, неукрепленные, расположенные на пологих склонах высокого берега Днепра. Многие поселения находятся напротив порогов. Так, поселение у с. Никольского находится против Ненасытцкого порога, поселение у с. Ново-Александровки — против порога Лишнего, у с. Августиновки — против порога Хмельного, у с. Привольное — против порога Вольного.

Специфична, однако, не только топография поселений, но и некоторые другие их черты, и прежде всего домостроительство. На обоих подвергавшихся раскопкам поселениях (в Привольном и в Никольском)⁹ жилища были углублены в землю. В Привольном обнаружены две двукамерные, прямоугольные в плане землянки, одна с печью-каменкой, другая с глинобитной печью, расположенной на возвышении. В Никольском жилища представляли собою овальные в плане землянки. Одно жилище было двухчастным, с сенями. Наряду с зимними, здесь были, видимо, и летние жилища без печей.

На поселениях встречаются и хозяйственные (зерновые) ямы.

Отличительные черты имеет и керамика, в значительной своей части, видимо, местного изготовления, о чем можно судить по обнаруженной в Никольском разрушенной гончарной печи¹⁰.

¹ В. В. Хвойка. Поля погребений..., табл. XX, XXI; Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, табл. XX. Особенно отчетливо выражено подражание металлическим формам в кувшине из Коровинцев. См. И. И. Ляпушкин. Памятники культуры полей погребений..., стр. 17, рис. 4.

² В. В. Хвойка. Поля погребений..., табл. XX, рис. 26, 29; А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 57, рис. 2, 4.

³ В. О. Довженок. Ук. соч., стр. 51—52.

⁴ А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 61, рис. 6.

⁵ См. Ю. В. Кухаренко. Юго-восточная граница расселения раннеславянских племен (автореферат). М., 1951, стр. 4—5.

⁶ И. М. Фещенко. Памятки материальной культуры сарматской доби на побережье порожистой части Днепра. Рукопись. Научный архив Института археологии АН УССР.

⁷ А. Т. Брайчевська. Поселения черняхівського типу в с. Микольске на Дніпрі. Археологічні пам'ятки, т. V, Київ, 1955, стр. 86—94.

⁸ В этой части левобережья Днепра памятники культуры полей погребений не обнаружены.

⁹ Ю. В. Кухаренко. Поселения и могильники...; А. Т. Брайчевська. Ук. соч., стр. 86.

¹⁰ В печи, по словам И. Н. Фещенко, было много фрагментов керамики, сделанной

Наряду с посудой типично черняховской фактуры и форм — столовой сероглиняной, сделанной на круге (миски, кувшины), и кухонной (толстостенные горшки для варки пищи) встречается в достаточно большом числе посуда привозная, вероятно, из Ольвии и из других причерноморских городов. Это многочисленные обломки амфор и единичные обломки красноглиняных и краснолаковых сосудов. Особую группу составляют омфаловидные чаши малого размера, украшенные геометрическим и растительным орнаментом¹. По своим формам они являются прямым подражанием изделиям из металла и так называемым мегарским чашам.

Специального внимания заслуживает тот факт, что на поселениях Порожистого Днестра наряду с гончарной заметное место занимает лепная посуда, притом особая ее группа. Это сосуды, поверхность которых специально обмазана слоем жидкой глины, смешанной с крупнозернистым песком или дрсевой. Совершенно неизвестная в Среднем Поднепровье, такая посуда широко распространена на западе, в Повисленье, типична для Волины и встречается в Верхнем Поднепровье.

Погребальные памятники Порожистого Днестра имеют также особые, отличительные от среднеднепровских, черты.

Так, в могильнике в Привольном, где было раскрыто 28 погребений, сочетаются оба обряда — трупосожжение и трупоположение, но преобладает первый (18 сожжений и 10 трупоположений). Скелеты лежат обычно на спине, головой на север². Сосуды, которых здесь гораздо меньше, чем в Черняховском могильнике, и вещи группируются у головы покойника, у пояса или ступней. Трупосожжения неоднородны. Среди них встречаются захоронения сожженного праха в погребальных урнах (урною обычно служит миска или горшок), а также без урны, в ямах, так называемые сыпные, накрытые обломками сосудов, целым сосудом или просто камнем³. В погребениях с трупосожжениями сосуды встречаются редко или вовсе отсутствуют, зато в них много металлических изделий; причем все вещи носят следы пребывания в огне. Очевидно, сожжение покойника совершалось со всем погребальным инвентарем и происходило на стороне (на территории самого могильника никаких следов кострища обнаружено не было).

Большинство раскопанных в Привольном и Ново-Александровке захоронений, судя по находкам бус и пряслиц, принадлежало женщинам.

Керамика, как и на поселениях, неоднородна; среди нее встречается как гончарная, так и лепная посуда. Первая, в массе своей близкая к среднеднепровской, но не вполне с ней тождественная, приближается скорее к днепровско-бужской. Здесь нет ни биконических кувшинов, ни двуручных амфоровидных сосудов; полностью отсутствуют и сосуды с черным покрытием. Если и встречаются трехручные миски, то они несколько особого типа, близкого не к среднеднепровским, а к западным образцам. Встречаются и сосуды южного облика, например кувшин из погребения № 10 с трупоположением или сосудик, который Ю. В. Кухаренко называет «лампадкой» (в погребении № 19)⁴. Лепная посуда по формам и фактуре близка к посуде с поселений, поверхность которой обмазана глиной с песком⁵.

Специфичен и другой погребальный инвентарь. Так, в Привольном встречаются отсутствующие в Среднем Поднепровье, но широко распространенные в Повисленье железные ведркообразные подвески. В погребении № 19 их было 28, в погребении № 25 — пять⁶. Здесь же в уже упоминавшемся богатом захоронении с трупоположением (№ 10) наряду с четырнадцатигранными бусами из сердолика и стекла было найдено восемь янтарных мешковидных подвесок⁷. Хорошо известные в Южной Прибалтике⁸, они довольно многочисленны и на юге, в частности в Херсонесе. Там они встречаются в захоронениях IV в. также в сочетании с четырнадцатигранными бусами из сердолика (а иногда и из стекла) и со стеклянными же шашками (жетонами), являясь, как и на Днестре, безусловно привозными.

Известная специфика наблюдается и в фибулах. Наряду с обычными повсеместно распространенными фибулами с обернутой ножкой здесь встречаются фибулы и иного,

на круге, тонкостенной и грубой, а также лепной. (Сведения почерпнуты из письма И. Н. Фещенко к П. Н. Третьякову, написанного в 1941 г.; сообщены тогда же автору настоящей статьи).

¹ Найлены в погребениях (Ново-Александровка, Августиновка, Федоровка); обломки таких чаш находят на поселениях.

² В одном погребении (№ 2) костяк лежал на правом боку в скорченном положении, головой на северо-запад (Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник..., стр. 132, рис. 3, 1), в другом (№ 4) — костяк положен головой на восток; в погребении № 3 погребенный лежал на правом боку, головой на север (см. там же, стр. 132).

³ Обычай, совершенно неизвестный в Среднем Поднепровье, но распространенный в Повисленье в погребениях пшеворской культуры, а также на Верхнем Днестре.

⁴ Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник..., табл. 11, 37 и табл. III, 23.

⁵ Там же, табл. I, 1, 13.

⁶ Там же, табл. III, 26—35 и стр. 140, 142.

⁷ Там же, стр. 136—138, табл. II, 27—30.

⁸ W. G a e r t e. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg. 1929, стр. 242, рис. 185f, h, m; ср. также В. S c h m i d t. Einige neue Körpergräber des 4 Jahrhunderts aus dem Saalegebiet. Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte, т. 40, 1956, стр. 207, рис. 3.

южного типа, так называемые Т-образные, а также фибулы с сильно профилированной спинкой¹. Как те, так и другие известны в памятниках IV в., особенно в дунайских провинциях империи.

Заслуживают упоминания и найденные в рассматриваемом районе Поднепровья костяные гребни. Так, в Ново-Александровке, видимо в детском погребении, были найдены гребешки малых размеров, украшенные не обычным, широко распространенным глазковым орнаментом, а особым пунктирным. Рисунок гребней из Ново-Александровки — сегмент круга с вписанными в него сферическими треугольными — очень близок к гребню из могильника «Городок Николаевка» на Нижнем Днепре².

Следует, наконец, остановиться еще на одной детали — бронзовой подвеске в виде птички из того же погребения с сожжением в Ново-Александровке. Такого рода украшения неизвестны в черняховских памятниках, но встречаются в сарматских, как на рассматриваемой территории, так и западнее.

Итак, как расположение поселений (на высоком правом берегу Днепра), так и самый их характер (небольшие однослойные поселения с жилищами-землянками, окруженные зерновыми или хозяйственными ямами), равно как и погребальный обряд, керамика и мелкий инвентарь, — всё говорит о специфичности памятников культуры полей погребений на Порожистом Днепре в III—IV вв. н. э.³

Учитывая не только всё вышесказанное, но и то, что данной группе памятников здесь не предшествует никакая аналогичная более ранняя культура⁴, приходится полагать, что мы имеем здесь дело с какой-то пришлой с запада (вероятно, с Повисленья или с Верхнего Днестра) группой населения. Обосновавшись, новое население Порожистого Днепра вступило в постоянное общение с черноморским югом, в частности с Ольвией и ее ближайшей периферией, о чем говорит южный облик некоторых элементов этой, в основном западной, культуры⁵.

В последние десятилетия в археологической литературе получил довольно широкое распространение взгляд на памятники низовьев Днепра и Южного Буга, в том числе и на городища и селища в ближайших окрестностях Ольвии (у сс. Станислав, Скельня, Хабалова балка, Александровка, Снегиревка, пос. Каменка) и Одессы (с. Киселов), как на поселения культуры полей погребений или раннеславянские⁶.

Наличие на этих поселениях посуды, сделанной на круге, тонкостенной серой и черной с орнаментом, исполненным лощением и вдавлением, или толстостенной, грубой с примесью крупнозернистого песка еще не может свидетельствовать о том, что поселения принадлежат носителям черняховской культуры. Следует учитывать и другие факты, которые говорят не в пользу такого предположения. Так, все черняховские поселения (если не считать укрепленного поселения-убежища на Порожистом Днепре в с. Башмачке) принадлежат к числу неукрепленных поселений; нижнеднепровские и нижнебужские — укрепленные. Резко отличается и домостроительство. Повсюду в низовьях Днепра и Южного Буга, как и на Куяльницком и Тилигульском лиманах, жилища представляют собой каменные или сложенные из сырца на каменных фундаментах многокамерные дома-усады.

Подтверждением того, что поселения эти не принадлежат носителям черняховской культуры, является и отчетливо выраженный скифо-сарматский облик некоторых сопутствующих им могильников, например, в с. Ивановке под Ольвией⁷, могильников у Бизюкова монастыря⁸ на Нижнем Днепре и в «Городке Николаевке» у с. Козацкого⁹.

¹ Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник..., табл. V, 8 и табл. IV, 2.

² M. Ebert. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnjep, Gouv. Cherson. Praehistorische Zeitschrift, т. V, 1913, 1—2, стр. 80—113.

³ Мне представляется совершенно правильной эта датировка памятников Днепровской Луки, выдвинутая Ю. В. Кухаренко. К этому же, а не к более раннему (как полагает А. Т. Брайтчевская) времени следует относить и поселение в Никольском.

⁴ В последние века до нашей эры и в I—II вв. н. э. здесь известны сарматские курганные могильники. Однако поселений этого времени не обнаружено.

⁵ А. А. Спицын вообще считал, что корни черняховской культуры нужно искать на западе. См. А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 69.

⁶ Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954. Е. В. Махано. Раскопки Бериславского поселения и могильника в 1952—1953 гг. КСИА, вып. 4, стр. 40—42; В. П. Петров. Раскопки на Гавриловском и Знаменском городищах, КСИА, вып. 4, стр. 47—48; Л. М. Славин. Поселения первых веков нашей эры на Среднем и Нижнем Ингульце. КСИА, вып. 3, 1954, стр. 49—59; его же. Раскопки поселений первых веков нашей эры на Ингульце в 1952 г. КСИА, вып. 4, Киев, 1955 г., стр. 35—36; его же. Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійського оточення у 1949—1950 гг. Археологічні пам'ятки, вып. V, стр. 142 сл.; К. А. Раевский. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра и Днестра в I тысячелетии н. э. СА, XXIII, 1955, стр. 250—276.

⁷ Л. М. Славин. Археологічні дослідження..., стр. 142 слл.

⁸ В. И. Гошкевич. Древние городища на берегах низового Днепра. ИАК, вып. 47, СПб., 1913, стр. 135—136; Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 154—174.

⁹ M. Ebert. Ук. соч., стр. 80—112; А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 65; Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, XXIV, стр. 282. Э. А. Сымонович справедливо видит в могильнике «Городок Николаевка», в отличие от А. А. Спицына, не типично черняховский памятник.

Нельзя, однако, сомневаться в том, что отдельные захоронения и могильники, равно как и поселения, принадлежащие населению культуры полей погребений, могли встречаться и в степной полосе Поднепровья.

К таковым принадлежит, например, захоронение в с. Заплазах на р. Меланке (приток р. Тилигула), к северо-востоку от г. Ананьева. При постройке погребка здесь на глубине до 2 м было обнаружено нарушенное погребение, а также девять сосудов черняховского облика, две пряжки и браслет (рис. 3)¹.

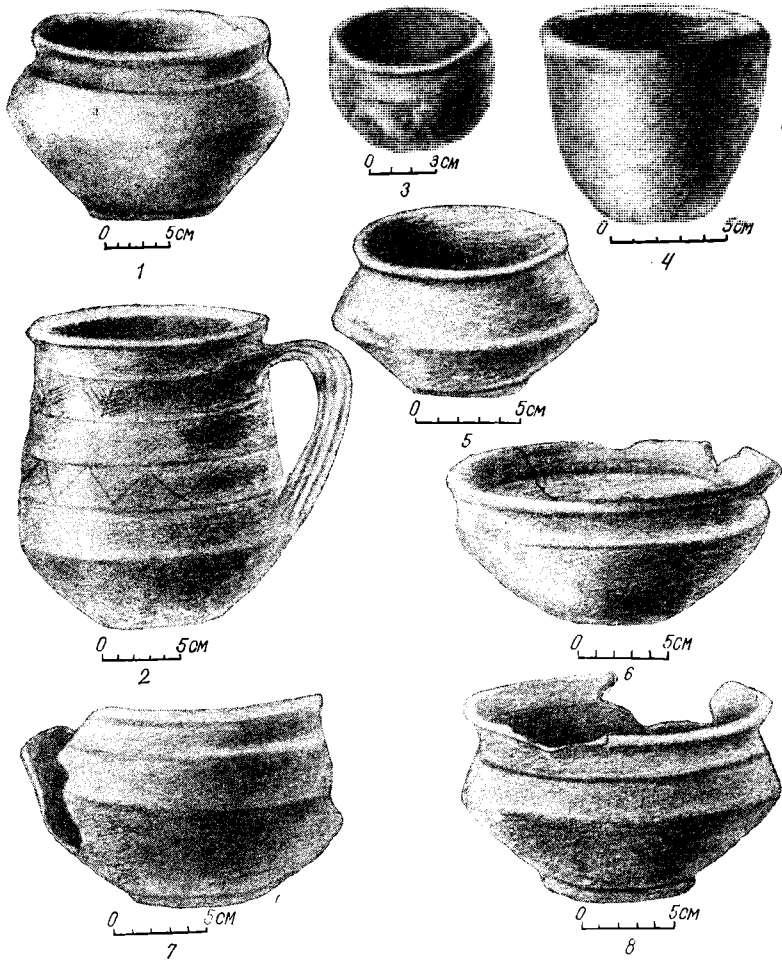

Рис. 3. Посуда из погребения у с. Заплазы

Черняховскими, хотя и со специфическими особенностями, видимо, были и могильники в пос. Каменке и с. Гавриловке, исследованные в последние годы Э. А. Симоновичем². И в том и в другом могильнике одновременно встречаются как трупосожжение, так и труположение. В деталях погребального обряда и в керамике наблюдаются черты, говорящие о выраженном скифо-сарматском воздействии, что отмечает и сам исследователь.

Зато ни в коей мере нельзя считать черняховским впускное погребение в кургане у с. Киселева под Одессой³.

Что касается поселений черняховской культуры, то, как правило, даже наиболее южные из них располагаются на пограничье лесостепи и степи, хотя отдельные поселе-

¹ И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, стр. 56, табл. XVI, 13, 14. Керамика из погребения полностью публикуется нами впервые по рисункам в отчете, поступившем в Археологическую Комиссию. Архив ИИМК, дело АК № 1895/251.

² Э. А. Симонович. Ук. соч., стр. 312; его же. Памятники черняховской культуры на Нижнем Днепре. КСИА, вып. 4, Киев, 1955, стр. 43—44.

³ К. А. Раевский. Ук. соч., стр. 268.

ния выходят на степные просторы: на Днепре, на его правобережье выше р. Конки, у сс. Грушевка и Кут¹, на левобережье на территории Каменского городища² и южнее, у сс. Гавриловка³ и Б. Лепетиха⁴, а также на Южном Буге в районе Первомайска⁵.

В Грушевке был вскрыт слой культуры полей погребений и обнаружено углубленное жилище столбовой конструкции, овальной формы, с очагом. На поселении у с. Кут, расположенном в 2 км от с. Грушевки, обнаружено наземное жилище прямоугольной формы, также столбовое, с очагом у короткой стены. В отличие от Грушевки, здесь найдено значительно меньше лепной и относительно много (по подсчетам Э. А. Симоновича — до 27%) импортной керамики — красноглиняной и краснолаковой, а также амфорной тары. Увеличение количества привозной посуды во второй половине III—IV в. (этим временем датируется поселение у с. Кут) указывает не на ослабление связи с черноморским югом и его городами (ссылку на что можно нередко встретить в литературе)⁶, а наоборот, на усиление этих связей⁷.

На Каменском городище на территории древнего акрополя в III в. н. э. возникает небольшое поселение, о чем говорит обнаруженная здесь керамика черняховского типа⁸.

Следы черняховской керамики отмечены и на другом левобережном городище — Б. Лепетиха, тянущемся на протяжении 350 м вдоль высокого берега Днепра. Однако керамика эта имеет своеобразные местные черты, свидетельствующие о дальнейшей жизни здесь скифского населения⁹.

Но если в степных районах Нижнего Днепра и можно наблюдать следы проникновения сюда черняховской культуры¹⁰, шедшего, видимо, с Поднестровья и из междуречья Днестра и Южного Буга (в меньшей мере — Порожистого Днепра), то вряд ли можно рассматривать в качестве черняховских поселения в Бужском лимане у хут. Петухово, у сс. Викторовка III и Варваровка, равно как и у с. Киселова.

Тем менее можно признать существование черняховских могильников в Крыму, как это склонны были утверждать некоторые исследователи несколько лет тому назад¹¹.

4

Обратимся к Поднестровью. Как уже говорилось, исследование памятников первой половины I тысячелетия н. э. началось в Верхнем Поднестровье в конце XIX в.

В последние годы значительно продвинулись обследования и частичные раскопки памятников и на Среднем Днестре¹², начались принявшие сразу же широкий размах

¹ Э. А. Симонович. Раннеславянские поселения у сс. Грушевка и Кут Апостольского района Днепропетровской области. КСИА, вып. 2, 1953, стр. 20.

² Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 53, 99; Н. Н. Погребова. К вопросу о населении Знаменского и Гавриловского городищ. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 67—68.

³ Э. А. Симонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья..., стр. 313.

⁴ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 152—153.

⁵ И. В. Фабрициус. Ук. соч., стр. 53.

⁶ См. П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. 2-е изд. М., 1953, стр. 148—151; В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4, стр. 249. Ср. М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных. КСИИМК, вып. XLIV, стр. 76.

⁷ См. М. А. Тиханова. Археологические памятники..., стр. 19; е е же, Борочичский клад, стр. 314.

⁸ Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 53, 153.

⁹ Там же, стр. 152, 153.

¹⁰ Нельзя, однако, согласиться с утверждением Б. Н. Гракова о широкой славянизации Нижнего Днепра с III в. н. э. и о мирном поглощении славянами (носителями черняховской культуры) скифского населения. См. Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 154, а также 32, 162, 175.

¹¹ См. Е. В. Веймарн и С. Ф. Стржелецкий. К вопросу о славянах в Крыму. ВИ, 1952, № 4, стр. 96; А. П. Смирнов. К вопросу о славянах в Крыму. ВДИ, 1953, № 3, стр. 32—45; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. стр. 141; Б. Н. Граков. Ук. соч. стр., 32. Трупосожжения в «урнах» Чернореченского могильника не имеют ничего общего с захоронениями культуры полей погребений, с которыми их сблизает Е. В. Веймарн Трупосожжения аналогичного типа широко известны в III—IV вв. в Херсонесе, Хараксе и других античных центрах Крыма (см. М. А. Тиханова. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма. МИА, № 34, 1953, стр. 322, прим. 3). Тем менее можно говорить о славянстве погребений из Харакса, как это делал, отдавая дань «увлечениям» славянством, А. П. Смирнов. См. В. В. Кропоткин. Топография кладов римских и ранневизантийских монет на территории СССР, ВДИ, 1954, № 3, стр. 160—161. В настоящее время тенденция находить повсеместно славянство как будто бы изжитая и останавливаться на этом вопросе подробнее не представляется необходимым.

¹² М. Ю. Смишко. Звіт про дослідження селища періоду «полив поховань» в Неслухові в 1946 р. Археологічні пам'ятки, вып. I, Київ, 1949, стр. 189—208; е г о же. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР. Археологічні пам'ятки, вып. III, 1952, стр. 337—345; В. Д. Баран. Поселение первых веков нашей

работы на нижнем Днестре в Молдавии¹, а также на правобережье Среднего Днестра — в междуречье Днестра и Прута².

Вопрос о культуре полей погребений в Поднестровье (ее содержании, датировках и этнической принадлежности) являлся не раз за последние годы предметом специального рассмотрения в работах М. Ю. Смишко³, М. И. Артамонова⁴, Э. А. Симоновича⁵, Г. Б. Федорова⁶, а также автора настоящей статьи⁷. Не ставя своей целью в данной статье дать подробный анализ этой культуры и развернуть всю аргументацию в пользу нашей точки зрения, ограничимся перечислением тех ее особенностей, которые, как нам представляется, позволяют видеть в культуре полей погребений Поднестровья особый вариант черняховской культуры.

Основной особенностью культуры полей погребений в Поднестровье является то, что здесь почти повсеместно (за исключением некоторых малоизученных участков левобережья Среднего Днестра) черняховской культуре предшествует более ранняя культура рубежа и первых веков нашей эры, близкая к дакийской культуре соседних областей Румынии и восточных районов Венгрии и проникнутая сильными кельтскими элементами. Известная под наименованием липицкой культуры⁸, она представлена относительно многочисленными, хотя и весьма недостаточно исследованными поселениями⁹, несколькими могильниками и единичными погребениями¹⁰ представителей знати¹¹, а также отдельными находками.

Поселения липицкой культуры как по общему своему характеру (неукрепленные, открытые селища, расположенные на южных или юго-западных склонах оврагов и балок), так и по типу жилищ (овальные полуземлянки, часто с сенями и наземные дома с открытыми очагами в центре жилья на возвышении или со сводчатыми круглыми в плане глинобитными печами) близко сходны с поселениями черняховской культуры. Близка и гончарная сероглиняная керамика. В то же время погребальный обряд отличен (массовые трупосожжения при единичных трупоположениях представителей знати).

Следующую по времени группу памятников в Поднестровье составляют поселения, могильники и отдельные захоронения и находки черняховского типа. Самые ран-

эры в с. Черепин Львовской области. КСИА, вып. 7, Киев, 1947, стр. 97—99; М. А. Тиханова. Раскопки поселения первых веков нашей эры в Луке-Врублевской. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 72—74; е е же. Поселение культуры полей погребений..., стр. 45—46; М. И. Артамонов. Археологічні дослідження на Південному Поділлі в 1948 р. Археологічні пам'ятки, т. IV, 1952; е го же. Археологіческие исследования..., стр. 112—113; е го же. Некоторые итоги пятилетних исследований Юго-Подольской археологической экспедиции, КСИА, вып. 4, 1955, стр. 86—87.

¹ Г. Б. Федоров. Работа Славяно-Днестровской экспедиции в 1950 г. КСИИМК, вып. XLIV, 1952; е го же. Итоги пятилетних работ в Молдавии. КСИИМК, вып. 56, 1955, стр. 8—9; М. А. Тиханова. Из материалов Дубоссарского отряда..., стр. 92—99; История Молдавии, т. I, Кишинев, 1951, стр. 36—37.

² Б. О. Тимошук. Розвідка в басейні р. Пруту. Археологічні пам'ятки, вып. III, 1952, стр. 411—413; е го же. Розвідка Чернівецького історико-краєзнавчого музею в 1947 р.; е го же. Подкарпатские курганы III—V веков нашей эры. КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 64—69; В. Д. Баран. Раннеслов'янські пам'ятки правобережжя середнього Дністра. Археологічні пам'ятки, вып. V, стр. 170—175.

³ М. Ю. Смишко. Доба полів поховань в західних областях УРСР. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 98—129; е го же. Раннеславянская культура Поднестровья..., стр. 67—82; е го же. Раннеславянские памятники на территории западных областей Украинской ССР. Доклады VI научной конференции Института археологии, Киев, 1953, стр. 82—94.

⁴ М. И. Артамонов. Некоторые итоги..., стр. 86—87.

⁵ Э. О. Симонович. Про культуру полів поховань на Поділлі. Археологія, т. V, Київ, 1951, стр. 105—115.

⁶ Г. Б. Федоров. Древние славяне в Молдавии. Изв. Молдавского филиала АН СССР, вып. № 5 (25). Кишинев, 1955, стр. 73 и сл.

⁷ М. А. Тиханова. Культура западных областей Украины в первые века нашей эры. МИА, № 6, 1941, стр. 245—277; е е же. Археологические памятники..., стр. 15—19.

⁸ Наличие памятников липицкой культуры на левобережье Среднего Днестра долгое время отрицали как пишущая эти строки, так и М. И. Артамонов.

⁹ M. Śmiszko. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Malopolsce wschodniej. Lwów, 1932; е го же. Osady kultury Lipickej. В сб. «Przyczynki do poznania epoki cesarstwa rzymskiego. Lwów, 1934; е го же. Stan i potrzeby badan nad okresem cesarstwa rzymskiego w Poludniowo-wschodniej Polski Wiad. archeol., XIV, 1936, стр. 125—130.

М. Ю. Смишко. Верхньодністр'янська розвідкова експедиція 1946 р., Археологічні пам'ятки, вып. 1, стр. 254—256.

¹⁰ М. Ю. Смишко. Богатое погребение начала нашей эры в Львовской области. СА 1957, № 1, стр. 243.

¹¹ Впускное (в курган эпохи бронзы) погребение в Колоколинне Большевецкого района Станиславской обл. См. M. Śmiszko. Znalezione wczesnorzymskie z Kolokolina, pow. Rohatynski. Wiad. archeol., т. XIII, 1935, стр. 155.

ние из них датируются III в. н. э., самые поздние — концом IV, может быть самым началом V в. н. э.

Они распространены во всем бассейне Днестра. В Верхнем Поднестровье наряду с ними выступают отдельные захоронения пшеворского типа; на правобережье Верхнего Днестра и в верховьях рр. Прута и Серета — особая группа погребальных памятников, в основном синхронная с черняховской (так называемые подкарпатские курганы III—V вв. н. э.)¹.

Памятники черняховского типа в Поднестровье известны преимущественно на пограничье среднего и верхнего течения Днестра и в междуречьях рр. Серета — Збруча — Жванца — Смотрича. На западе они доходят до левобережья р. Гнилой Липы,

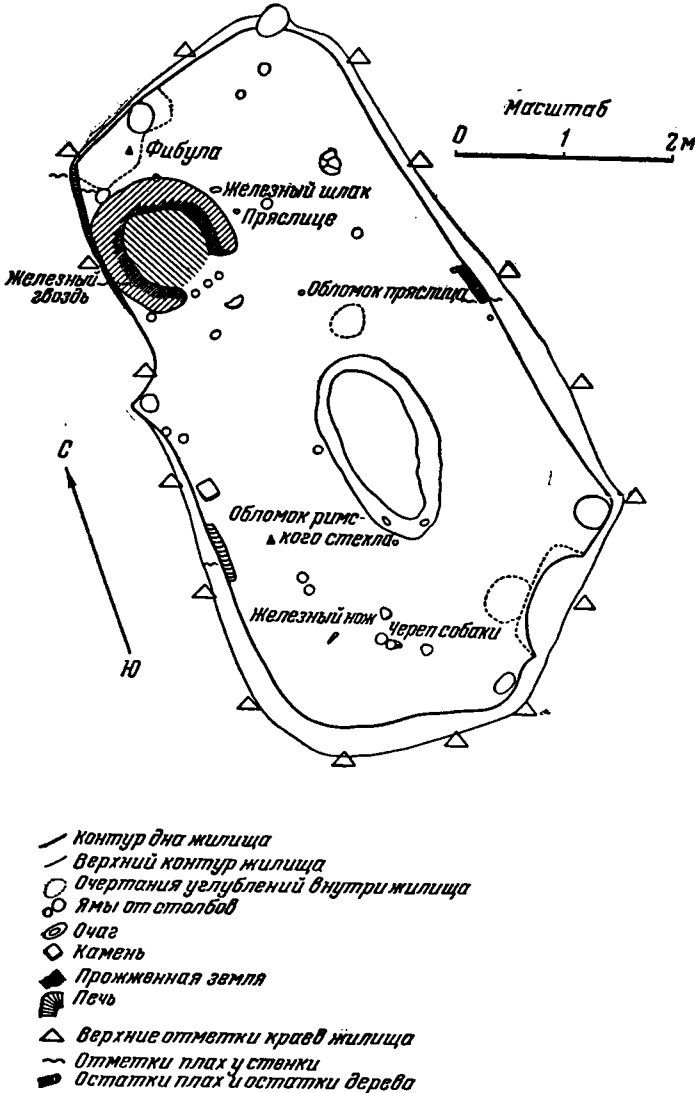

Рис. 4. План землянки № 1 из Луки-Врублевцевоï. Раскопки 1947 г.

на севере — до верховьев Западного Буга, на востоке — до пограничья со степью, включая и район междуречья Днестра и Южного Буга, на правобережье вплоть до низовьев Днестра и в междуречье Днестра и Прута.

Топография поселений очень устойчива, тождественна с топографией селищ липицкой культуры. Жилища также продолжают традицию липицкой культуры. Они двоякого типа: углубленные и наземные. И те и другие представляют собой дерево-глинобитные хаты-мазанки на каркасе из плетня, жердей или плах с двускатной, а иногда и односкатной кровлей. В плане они обычно имеют форму неправильного, слегка вытя-

¹ М. Смишко. Доба полів поховань...; Б. А. Тимошук. Подкарпатские курганы..., стр. 64—69.

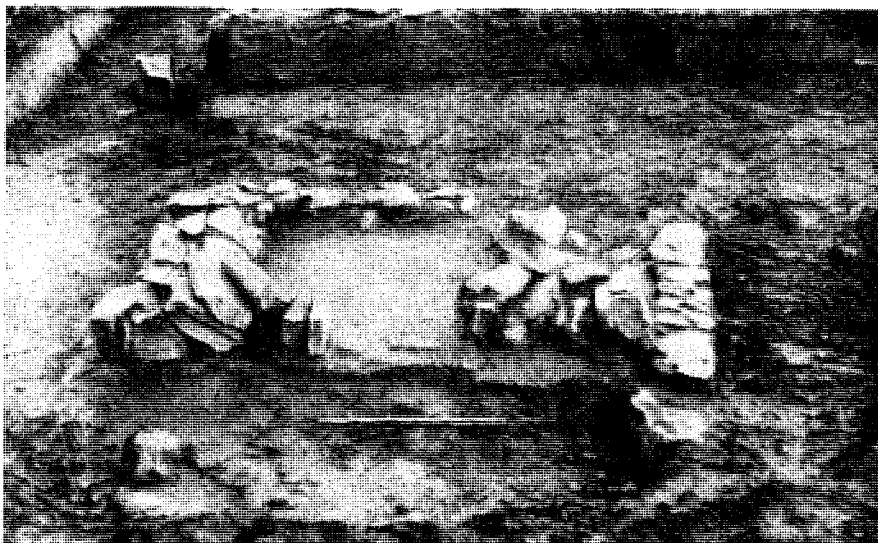

Рис. 5. Развалины печи из Луки-Врублевецкой

нутого прямоугольника (рис. 4), ориентированного с севера на юг, со входом с юга. Многие из жилищ двухчастные, иногда к ним примыкают сени¹.

Хозяйственные сооружения, кладовые и печи здесь также обладают известными особенностями. Если на востоке, в междуречье Днестра и Южного Буга, встречаются на поселениях зерновые ямы, то выше по Днестру известны и кладовые, слегка углубленные в землю. Печи здесь различного устройства: очаги, сложенные из камней и промазанные глиной; так называемые напольные печи, представляющие собой простые ямы, вырезанные в суглинке, в форме перевернутой пирамиды, со срезанной вершиной². Встречаются также различные сводчатые печи: глинобитные на деревянном каркасе, сложенные из плоского плитняка на глиняной обмазке (прямоугольные или квадратные). У некоторых печей имеются лежанки (рис. 5). Известны и печи-каменки.

Разнообразны на Днестре и гончарные печи. На северо-западе — в с. Неслухове, Новомилятинского района, Львовской области и на юге — в Молдавии, в Слободзее встречаются печи обычного римского типа, округлые в плане³. В то же время в 1956 г. в Луке-Врублевецкой были раскрыты две гончарные печи обычной для первых веков нашей эры двухчастной вертикальной конструкции (внизу двухчастная топка, сверху обжигательная камера, перекрытая сводом)⁴ не округлой, а овальной формы. Это обстоятельство указывает на прямое переживание латенских традиций.

Специфична по сравнению со среднеднепровской и керамика. Она представлена на поселениях тремя группами: 1) сделанной на круге столовой и кухонной посудой и пифособразными сосудами для хранения запасов; 2) импортной — довольно многочисленными здесь, особенно на правобережье, обломками амфор и единичными находками красноглиняной и краснолаковой посуды; 3) лепной посудой.

В первой группе обращает на себя внимание преобладание мисок самых разнообразных типов при относительно меньшем числе кувшинов. Среди последних почти не встречаются характерные для Среднего Поднепровья биконические формы. Очень специфична и группа кубков или чаш для питья черного цвета, в изломе серых, типа *terra nigra*, украшенных сложными узорами, покрывающими все тело сосуда с наружной стороны, начиная от самого дна (рис. 6). Довольно большим числом представлены здесь сосуды для хранения запасов. С широким (до 5—7 см) и плоским горизонтальным краем (реже утолщенным, каплевидным венчиком), эти сосуды воспроизводят старые формы, восходящие к дакийским *dolei* и большим сосудам эпохи латена (рис. 7). В Верхнем и Среднем Поднепровье они обычно украшены по плечикам и плоскому

¹ М. А. Тиханова. Поселение культуры полей погребений..., стр. 46.

² Такие печи открыты в Луке-Врублевецкой в 1947 и 1948 гг. Ср. М. А. Тиханова. Раскопки поселения..., стр. 74.

³ L. Kozłowski. *Zarys pradziejów Polski południowo-wschodniej*. Lwów, 1939, стр. 74, рис. 9; История Молдавии, т. I, Кишинев, 1951, стр. 37.

⁴ Не опубликованы. Сообщение о них сделано на заседании Секции славяно-русской археологии пленума ИИМК АН СССР 28 марта 1957 г. Аналогичной конструкции печи известны и на территории древней Дакии. Пользуюсь случаем принести благодарность профессору Раду Вульпе, любезно сообщившему мне об открытии им в Пойяне такой же гончарной печи I в. н. э.

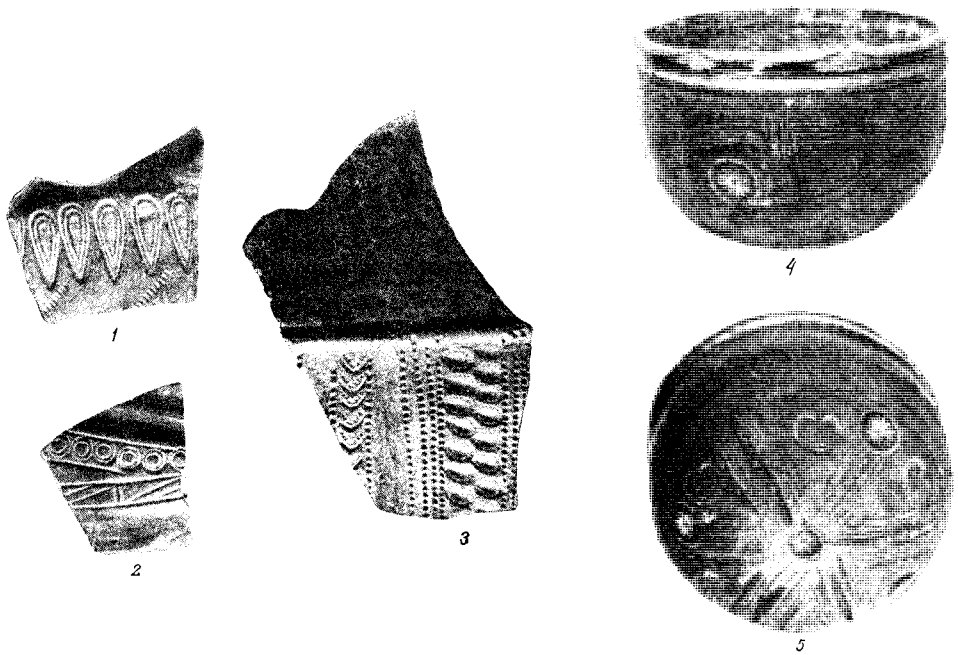

Рис. 6. Образцы посуды типа *terra nigra* из Луки-Врублевцевкой и Черняховского могильника краю врезанной многорядной волной¹; в междуречье Южного Буга и Днестра и в Побужье — налепом в виде валика с вмятинами или двойным рядом косых встречных врезов, образующих «елочку»². Такой орнамент широко известен и в Нижнем Побужье, в том числе в Ольвии³.

Лепная посуда составляет на Днестре довольно значительную и своеобразную группу. Это плоскодонные толстостенные мисковидные горшки в виде перевернутого

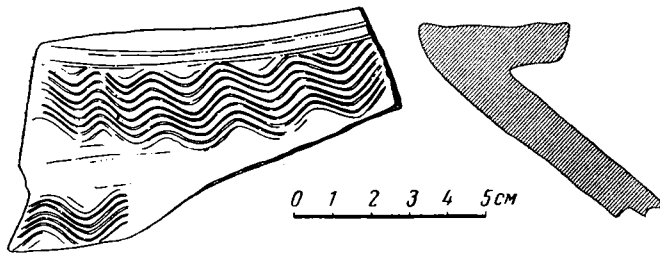

Рис. 7. Обломок сосуда для хранения запасов. Правобережье Среднего Днестра. Подъемный материал

усеченного конуса, миски со слегка загнутым внутрь краем, крышки из плохо промешанной и неравномерно обожженной глины. Все эти формы хорошо известны здесь и в более раннее время. Они распространены и на соседних территориях — в пределах современной Румынии и Восточной Венгрии.

¹ В Неслухове, в Липице (поздний комплекс), в Луке-Врублевцевкой, Вороновицах, Борншкочках, Малиновцах и др. См., например, М. S m i s z k o. *Duże pasczynie baniaste w Polsce wschodniej i Małopolsce wschodniej*. *Wiadomości archeologiczne*, т. XVI, Warszawa, 1940—1948, стр. 211—231; М. А. Тиханова. *Археологические памятники...*, стр. 17; Э. А. Симонович. *Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры*. СА, XXVI, 1956, стр. 262—270.

² На поселениях в Криничке, Лабушна-Пасад (См. С. С. Гамченко. *Археологические исследования в Подольской губ. по Трипольской культуре* (рукопись), Архив ИИМК, дело АК № 1909/85, табл. 213—214. Встречается он и на поселении в Яруге. См. Е. О. Симонович. *Млинове спорудження перших століть н. е. на Південному Бузі*. *Археологія*, т. VI, Київ, 1952, стр. 100, рис. 2, 8 (В подписи ошибочно указана Лука-Врублевцевка).

³ Л. М. Славин. *Отчет о раскопках в Ольвии в 1935—1936 гг.* Сб. «Ольвия», т. I, Киев, 1940, стр. 71, рис. 58.

В Верхнем Поднестровье и в северо-западной части Среднего Поднестровья встречаются сосуды, орнаментированные крупными ячейками-зашипами, сделанными ногтем или специальным чеканом. Этот орнамент известен также в более западных и северных районах, в частности, в так называемой пшеворской керамике (рис. 8)¹.

Мелкий бытовой инвентарь в основном однотипен с другими районами распространения черняховской культуры, но и в нем прослеживаются специфические особенности. Так, на Днестре наряду с общераспространенной фибулой с обернутой ножкой (рис. 9) встречаются фибулы с так называемым широким или высоким держателем

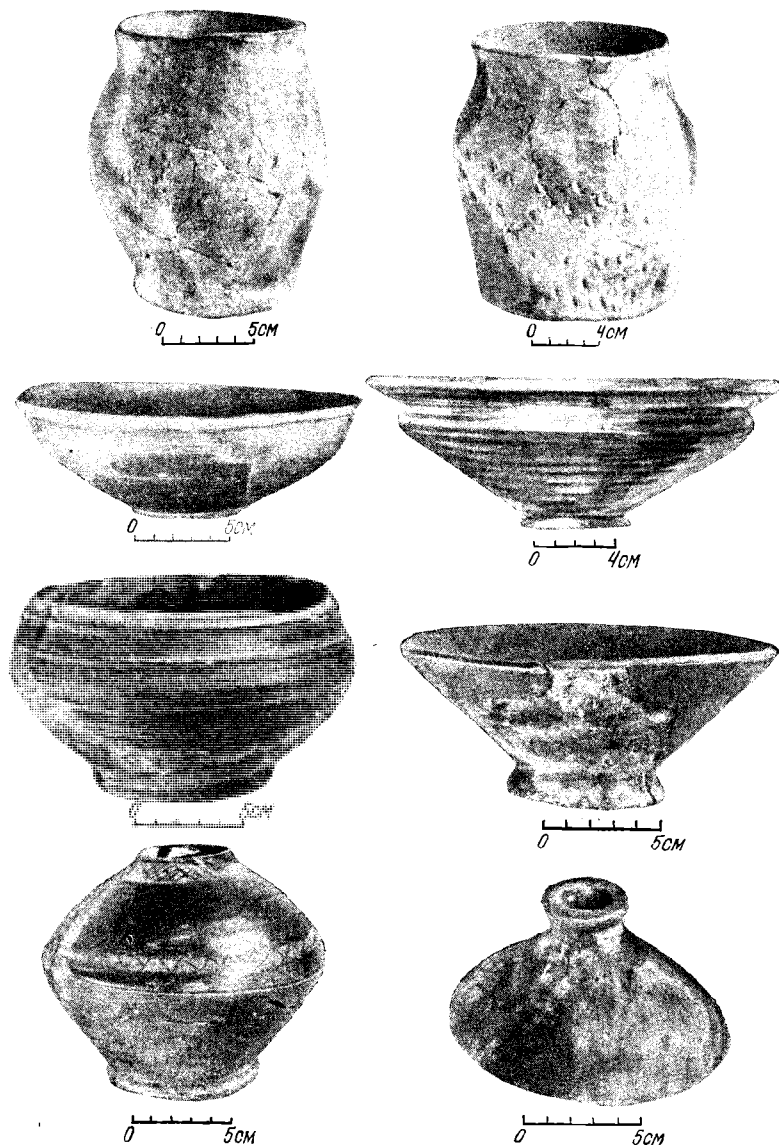

Рис. 8. Посуда с поселения в Луке-Врублевская

иглы, в том числе с головкой в виде водоплавающей птицы. Они распространены в пределах ограниченной территории: на самом Днестре и в междуречье рр. Серет—Збруч—Смотрич². Родиной этого варианта фибулы (как и фибулы с обернутой ножкой), види-

¹ K. N a d a c z e k. *Kultura dorzeczu Dniestru.*, МААЕ, т. XII, 1912, табл. VIIa.

² В Луке-Врублевской было найдено всего четыре экземпляра такой фибулы (все в жилищах). Рисунок см. Э. А. С ы м о н о в и ч. О датировке поселения первых веков нашей эры в Луке-Врублевской. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 22—23, рис. 8, 16—18.

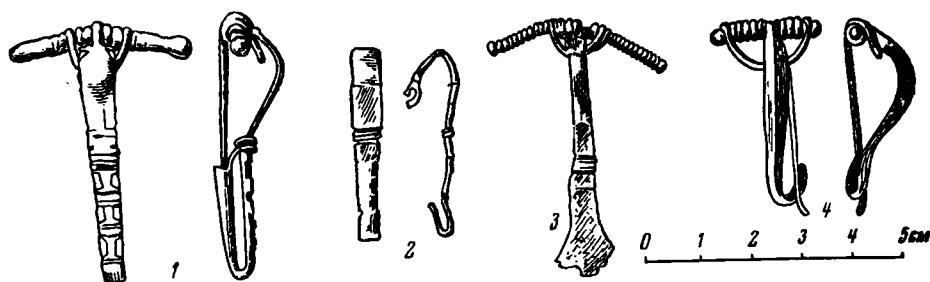

Рис. 9. Фибулы из раскопок 1953 г. в Луке-Врублевской

мо, является Северное Причерноморье, возможно даже Ольвия, где известны и прямые аналоги днестровского варианта в погребальных комплексах не позже II — начала III в. н. э.¹

В юго-восточных районах Поднестровья и в междуречье Южного Буга и Днестра известны Т-образные фибулы, характерные, как уже говорилось, для римских провинций Дуная, встречающиеся и на Порожистом Днестре.

Следует также отметить повсеместное распространение на поселениях ключей.

Погребальные памятники, которые можно рассматривать как черняховские III—IV вв., представлены в Поднестровье в основном единичными захоронениями и небольшими могильниками с труположениями. Встречаются они на левобережье, от пограничья со степью — на востоке до бассейна р. Гнилой Липы — на западе.

При общем сходстве со среднеднепровскими они имеют свои особенности, неоднородны и могут быть, в свою очередь, подразделены на отдельные подгруппы.

Так, особую группу составляют погребения в каменных ящиках, распространенные в южной части бассейна р. Збруча и в междуречье Збруча и Серета (у с. Глешава² и у с. Увисла³). В последнем в разрушенном погребении с труположением было найдено своеобразное шейное украшение — ожерелье из костей челюсти лосося и двух раковин сургеа *pantheripa* (рис. 10)⁴. В данном районе обряд труположения в каменных ящиках устойчиво сохраняется с эпохи позднего неолита в бронзовом веке (белопотоцкая культура)⁵ и в эпоху раннего железа⁶ и сохраняется в накрытых плитами захоронениях с труположениями времен Киевской Руси⁷.

Одновременно в этом же районе встречаются и типично черняховские захоронения — труположения, обставленные сосудами (в с. Целиеве⁸ и в с. Тербовле⁹).

Западнее бассейна р. Серета погребальные памятники III—IV вв. неизвестны вовсе.

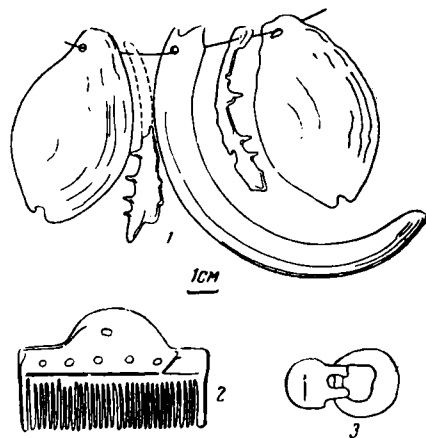

Рис. 10. Ожерелье, гребень и пряжка из погребения в Увисле

¹ М. А. Тиханова. Археологические памятники..., стр. 17; І. А. Фурманська. Фібули из розкопок Ольвії. Археологія, т. VIII, Київ, 1953, стр. 86—88, табл. V, рис. 7.

² W. Demetrikiewicz. Poszukiwania archeologiczne w pow. Trembowelskim. MAAE, т. IV, 1900.

³ G. Ossowski. Sprawozdanie drugie z wyciarki paleoetnologicznej po Galicyi w r. 1890. ZWAK, т. XV, стр. 357—391.

⁴ Под ожерельем лежала бронзовая пряжка с остатками ткани, а на расстоянии 25 см от костяка — трехчастный костяной гребень.

⁵ J. Kostzewski. Groby eneolityczne z skurczonemi szkieletami w Białym Potoku. Przegląd archeologiczny, т. III, 1925, стр. 9—17.

⁶ T. Sulimirski. Scytowie na zachodnim Podolu. Lwów, 1936.

⁷ J. Pasternak. Ruske Karpaty v archeologii. Praha, 1928.

⁸ Ю. Полянський. Нові археологічні знахідки з Галичини. ЗНТШ, т. CXLIX, 1928, стр. 9—30, табл. XIV; L. Kozłowski. Zarys pradziejów..., табл. XXVI, 16.

⁹ W. Demetrikiewicz. Poszukiwania..., MAAE, т. IV, 1900, стр. 92—98, рис. 1—4.

Исключение составляют своеобразное женское захоронение в с. Городнице (возможно, входившее в состав могильника)¹ и могильник в Псарах².

Погребение в Городнице было раскопано в 1877 г. Оно совершено на небольшой глубине (0,35 м) в каменной гробнице, сложенной из плит различных размеров. В гробнице лежал женский костяк на спине, головой на юго-восток. Правая рука была вытянута вдоль туловища, левая, согнутая в локте, лежала на поясе. Погребение было обставлено четырьмя сосудами; три стояли справа у головы (сероглиняный кубок с реберчатой ручкой, лепной горшочек и стеклянный кубок на ножке); четвертый сосуд — у левой ступни. На плечах и груди покойницы лежало пять четырнадцатигранных сердоликовых бус и две серебряные фибулы, на пальце был бронзовый перстень. Здесь же были найдены две железные шпильки и глиняное пряслице в виде усеченного конуса, лежащее в кувшине (рис. 11)³.

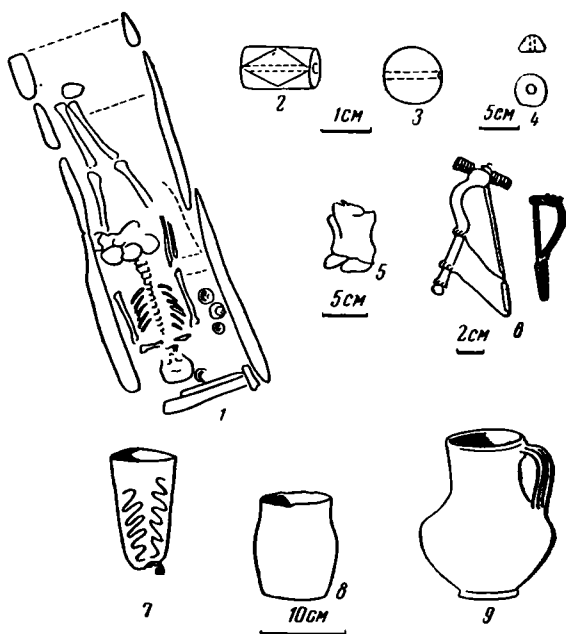

Рис. 11. Вещи из погребения в с. Городнице

В литературе встречается различная культурная и этническая атрибуция этого погребения⁴. Думается, однако, что ряд черт говорит за сарматское происхождение покойной (положение и ориентация скелета, инвентарь, в частности пряслица, керамика), захороненной, однако, с соблюдением местных древних обычаев.

Сарматские черты прослеживаются и в наиболее западном из могильников этой поры на Днестре — в с. Псарах Рогатинского района, где К. Гадачеком были вскрыты на разрушенном могильнике четыре женских захоронения, ориентированные головами на юго-запад, в том числе одно скорченное и одно в сидячем положении⁵.

Погребальные памятники Среднего Поднестровья также неоднородны. Так, на западном его участке известно несколько случайно обнаруженных труположений, например, погребение в Великой Мукше с одним сосудом (рис. 12)⁶. В восточной части в незначительном отдалении один от другого известны два могильника: в с. Виле-Яругской (или в Вилах Яругских) и в с. Верб-

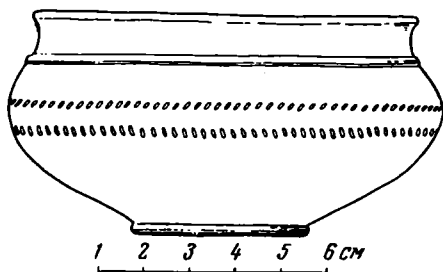

Рис. 12. Миска из погребения в Великой Мукше

Среднего Днестра, в Винницкой области, в незначительном отдалении один от другого известны два могильника: в с. Виле-Яругской (или в Вилах Яругских) и в с. Верб-

¹ Dr. J. Kopernicki. Poszukiwania archeologiczne w Horodnicy nad Dniestrem wspolne z prof. Wlad. Przybyslawskim dokonane w roku 1877, ZWAK, т. II, стр. 55—59, табл. IIIc; К. Надасчек. Kultura..., стр. 30.

² К. Надасчек. Kultura..., стр. 28—31, табл. IX—XII.

³ Ср. М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднестровья..., рис. 24, 1. На этом рисунке ошибочно воспроизведена форма кубка из Городницы в том ее виде, как он дан у Коперникого. На том же рисунке ошибочно показаны как происходящие из Городницы фибулы 6, 7, 8, 12; в действительности они из Жабинцев.

⁴ L. Kozłowski. Zarys pradziejów..., табл. XXVIII, 7; К. Мајевски. Importy rzymskie na ziemiach Słowiańskich. Wrocław, 1949; ср., например, J. Kostrzewski. Od mezolitu do wędrowek ludów. Historia ziem Polskich 1939—1948, рис. 84; N. Aberg. Till belysande av det gotiska kulturinslaget i Mellaneuropa och Skandinavien, Fornvännen. 1936, стр. 265, рис. 1; К. Мајевски. Obszar Słowiańszczyzny zachodniej w świetle importów rzymskich. Archeologia, т. I, Wrocław, 1949, стр. 185—202; J. Kostrzewski. Ук. соч., стр. 350; J. Filip. Z. pravěku Československu. Praha, 1949.

⁵ К. Надасчек. Kultura..., стр. 30.

⁶ Вскрыто Среднеднестровской экспедицией Института археологии АН УССР (рук. П. П. Ефименко) в 1945 г.

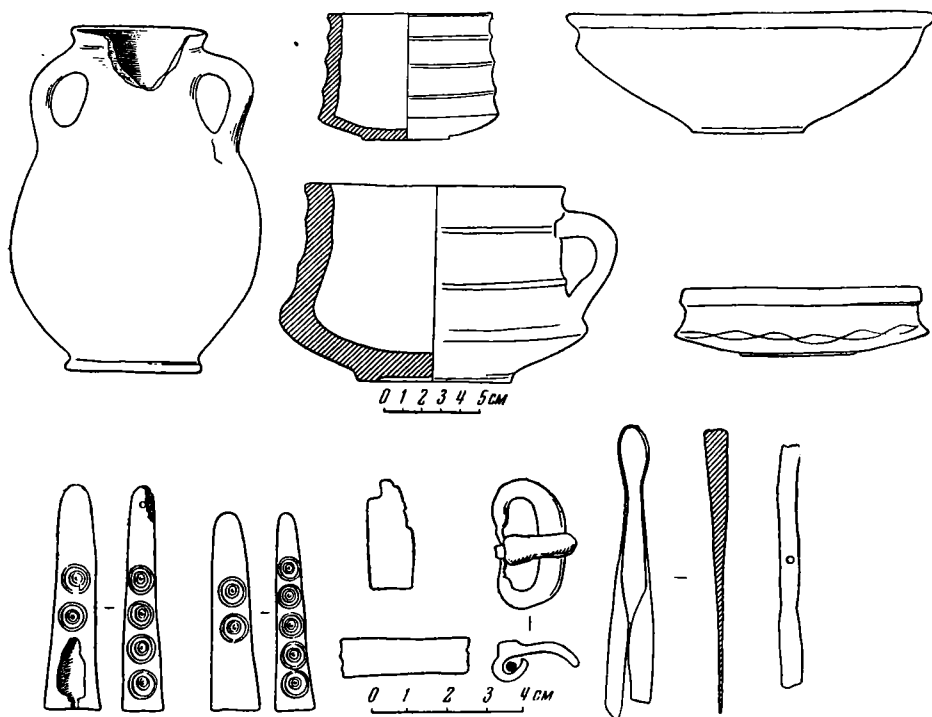

Рис. 13. Вещи из погребения, открытого в 1926 г. в с. Вила Ярузкая Винницкой области

ках. Могильник в Виле-Ярузкой типично черняховский, содержащий как трупосожжения, так и труположения (ориентированы головами на север) с характерными сосудами, украшениями и бытовыми предметами (рис. 13)¹. Могильник в Вербках носит черты пшеворской культуры². Несколько южнее, на пограничье со степью, у с. Михайловки, Рыбницкого района, Молдавской ССР, обнаружено чисто сарматское захоронение³. Однако как в Вербках, так и здесь керамика черняховского облика. На правобережье Днестра, в Черновицкой области, в с. Ленковцы, известны впускные сарматские погребения⁴. Еще южнее, у с. Боканы в Молдавии, открыт могильник II—IV вв., по погребальному обряду и мелкому инвентарю явно сарматский, но с керамикой черняховского типа⁵. На той же территории были известны типично черняховские могильники, синхронные могильникам, — в Будештах, Лукашевке и Малаештах⁶.

Как видим, погребальные памятники Поднестровья обнаруживают значительные отличия от среднеднепровских. В то же время они свидетельствуют о неоднородности населения Поднестровья, во всяком случае на его окраинах, восточных и западных.

5

Выразительные памятники черняховской культуры известны также в областях Нижнего Дуная и северо-восточной Трансильвании, в пределах современной Румынской Народной Республики.

На рубеже и в первые века нашей эры здесь господствовала единообразная культура, весьма близкая и во многом тождественная липицкой культуре южных районов Верхнего и Среднего Поднестровья и междуречья Днестра и Прута. Эта культура

¹ См. Д. Щербаківський. Знахідки біля Могилева Подільського. КЗ ВУАК за 1926 р. Київ, 1927, стр. 171, 214. (Раскопки могильника продолжены Юго-Подольской экспедицией в 1952—1953 гг.).

² К. H a d a s z e k. Kultura..., табл. VI.

³ Каталог выставки XI Археологического съезда. Киев, 1899, стр. 152, №№ 416—418.

⁴ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 65—67.

⁵ Г. Б. Федоров. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии. Изв. Молд. ФАН, № 4, 31, 1956, стр. 49, 63.

⁶ Обнаружены Молдавской экспедицией АН СССР. Материал не опубликован, кроме одного стеклянного сосуда с греческой надписью из могильника в Малаештах. См. Всемирная история т. II, М., 1956 г., стр. 709.

местного дакийского населения, в которой существенную роль играли кельтские элементы¹.

В III—IV вв. в Трансильвании, в долине р. Муреша, на склонах Карпат и на левобережье Нижнего Дуная (в пределах современных Ольтени и Муитени), распространяются памятники, очень близкие к памятникам черняховской культуры Среднего Поднепровья и Нижнего Днестра. К сожалению, поселения этой поры изучены совершенно недостаточно, по существу лишь выявлены, но почти не раскопаны, хотя в последние годы число их значительно возросло. Лучше изучены могильники, два из которых уже давно вошли в широкий научный оборот, во всяком случае за рубежами нашей страны².

Поселения по своей топографии идентичны с поселениями черняховской культуры других районов: они располагаются на солнечных склонах оврагов или балок и не укреплены (поселения у с. Лекинця де Муреш и г. Тыргу-Муреш; поселения в низовьях Дуная, в бассейне рр. Ольты и Буззу и в междуречье Серета и Прута).

Недостаточная изученность этих поселений позволяет высказать лишь предположительные соображения о жилищах. Вероятно, это были углубленные, типа полуземлянок, дома на деревянном каркасе, обмазанном глиной³. На поселениях обнаружены зерновые ямы. Основную массу посуды составляет сероглиняная керамика, близкая по формам, технологии и орнаменту к днестровской группе черняховской культуры⁴. Наряду с пифосообразными сосудами для хранения запасов и столовой посудой, в составе которой преобладают миски, значительную группу составляет кухонная посуда; в тесте горшков заметна значительная примесь крупнозернистого песка. Группа лепной керамики невыразительна.

Мелкий инвентарь на поселениях очень незначителен и беден: немногочисленные фибулы с обернутой ножкой поздних вариантов и так называемые Т-образные биконические пряслица, оселки, обломки ножей, бусы и т. п.

Многочисленные образцы серой и черной керамики черняховского облика обнаружены в позднеримских слоях крупных городских центров в низовьях Дуная — в древней Диногетии (на левом берегу Дуная близ г. Галаца)⁵, в Сучидаве⁶, в Капидаве⁷ и др., в сочетании с местной и привозной красноглиняной столовой посудой и с амфорами.

Значительно лучше исследованы могильники в Трансильвании и в более восточных районах.

Классическими образцами являются упоминавшиеся выше два могильника в долине р. Муреш, поблизости от поселения Лекинця де Муреш, тщательно исследованные и хорошо опубликованные И. Ковачем⁸.

¹ J. Andrieşescu. Piscul Crăşani Descoperirile arheologice din vara anurului 1923. Bucureşti; Radu Vulpe et Ecaterina Vulpe. Les fouilles de Tinosul. Dacia, I. Bucureşti, 1924, стр. 166—223; Radu et Ecaterina Vulpe. Les fouilles de Poiana. Dacia, III—IV, 1933, стр. 255—351; R. Vulpe. Piroboridava. La station protohistorique et dacoromaine de Poiana dans la Moldavie inférieure. Revue archéologique, т. 34, 1931, стр. 237—276; V. Pârvan. Getica. Bucureşti, 1926; J. Nestor. Der Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumänien. 22 Bericht der Römisch—Germanischen Kommission, 1933, стр. 11—181.

² Имеются в виду трансильванские могильники Марошсентайна и Марошвагаршель, вскрытые раскопками известного венгерского археолога Иштвана Ковача еще в начале настоящего столетия, перед первой мировой войной.

³ Такого типа жилища известны у Лекинця де Муреш. Dorin Popescu. Les fouilles de Lechinta de Mureş. Dacia, II, 1925, стр. 303; табл. 14—15. В то же время на поселениях в Пе-Куха близ Трушешти — жилища наземные. M. Petrescu-Dimbovita. Şantierul arheologie Truşeşti. Studii şi cercetari de istorie veche, т. VI, 1—2, 1955, стр. 176—177.

⁴ Эта керамика встречается здесь на поселениях и в могильниках как местного карпо-дакийского, так и пришлого, в том числе и сармато-аланского населения. E. Vepinger. Der Westgotisch-аланische Zug nach Mitteleuropa. Mannus Bibliothek, Leipzig, 1931. R. Vulpe. Săpăturile de la Poienesti din 1949. Materiale arheologice, т. I, 1953, стр. 213—506.

⁵ Gh. Ştefan. Şantierul arheologie Gârvan-Dinogetia. Studii şi cercetari de istorie veche, т. V, 1—2, 1954, стр. 161—188; егo же. Dinogetia, I. Risultati della prima campagne di scavi (1939). Dacia, VII—VIII, стр. 401—425; егo же. Studii şi cercetari..., т. VI, 3—4, 1955, стр. 713—743.

⁶ D. Tudor. Sucidava, I, Dacia, V—VI, 1938, стр. 387—422; Sucidava, II, Dacia, VII—VIII, 1941, стр. 359—400; Sucidava, III, Dacia, XI—XII, 1948, стр. 145—208; Sucidava, IV. Materiale arheologice, т. I, стр. 693—740.

⁷ Gr. Florescu. Fouilles de Capidava 1928—1936. Dacia, V—VI, 1933, стр. 351—386; Fouilles de Capidava 1937—1940. Dacia, VII—VIII, 1941, стр. 345—351. Les fouilles archéologiques de Capidava 1940—1945. Dacia, XI—XII, 1948, стр. 209—220.

⁸ I. Kovács. A Maroszentannai népvándorlaskori temető. Dolgozatok, III, 1912; Kolozsvár, стр. 250—342; франц. резюме, стр. 343—367; егo же. A Marosvásárhelyi őskori telep, skytha—és népvándorlaskori temető, Dolgozatok, VI, 1915; Kolozsvár, стр. 226—299, франц. резюме, стр. 299—325.

Могильник у с. Марошсентанна расположен на правом берегу р. Муреша, на высоком холме. Обнаруженный случайно при выборке песка из карьера могильник был затем подвергнут раскопкам, которыми вскрыты уцелевшие 74 погребения, все с труположением. Никаких следов поселения в непосредственной близости от могильника обнаружено не было. Восемь погребений относились к скифской поре и средневековью. Около трети захоронений было разграблено еще в древности.

Погребенные, как правило, лежали на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища, и были ориентированы головой на север, с некоторыми отклонениями на запад и восток. В двух случаях, как и в Черняховском могильнике, покойники захоронены в скорченном положении. Погребения были обставлены сосудами, наибольшее число которых (от 7 до 12) встречено в детских погребениях. Сосуды обычно поставлены в изголовье и с правой стороны, очень редко — у ног.

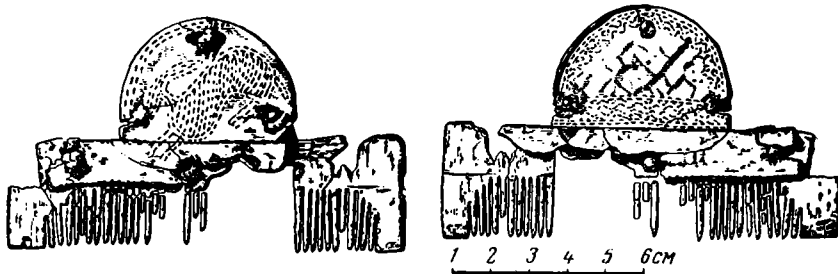

Рис. 14. Гребень из погребения в Марошваагаршеле (Тыргу-Муреше), Румыния

Керамика в громадном большинстве сделана на круге из тонкой, хорошо промытой глины (сероглиняная столовая посуда). Кухонная посуда — горшки с большой примесью крупнозернистого песка в тесте. Последняя составляет наиболее многочисленную группу. Лепная керамика представлена всего семью сосудами-горшками кочевнического типа.

Обращает на себя внимание малочисленность кувшинов и трехручных мисок и отсутствие орнаментированных чаш и кубков для питья, а также единичность находок красноглиняной импортной керамики.

Мелкий инвентарь представлен фибулами с обернутой ножкой (18 экз.) и пластинчатыми с полукруглой головкой (8 экз.). Многочисленны бусы: четырнадцатигранные из лилового и синего стекла, резе из сердолика, или стеклянные, мелкие, округло-плоские; встречаются топовидные подвески и подвески из морских раковин, ножи, пряслица (биконические). Многочисленна группа костяных трехчастных гребней. Они бывают как при женских, так и при мужских погребениях.

Мелкий инвентарь исключительно близок к инвентарю погребений Среднего Днпра и к самому Черняховскому могильнику. Почти идентичны фибулы и пряжки, очень близки бусы и гребни. Как и в Черняхове, здесь отсутствуют ведеркообразные подвески, фибулы с высоким держателем иглы и Т-образные.

Близко сходна часть погребений и второго трансильванского могильника в г. Марошваагаршеле (Тыргу-Муреше), ниже по течению Муреша, но уже на левом берегу реки. Как в Марошсентанне, так и здесь поселения в непосредственной близости от могильника не обнаружено.

Могильник содержит разновременные захоронения, синхронные с марошсентанскими и более поздние (VI—VII вв.)¹.

Погребений III—IV вв. всего 14, все труположения. Костяки лежат на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища; два погребения в скорченном положении. Как и в Марошсентанне, покойников клали в могильную яму без гробовища; одно детское захоронение было обложено кирпичами (обычай, широко распространенный в это время в дунайских провинциях Рима, как и вообще в античных центрах).

Погребения сопровождаются сосудами, украшениями, бытовыми предметами. Установить точное их размещение в могильных ямах не всегда удавалось, вследствие нетревоженности погребения.

Состав погребального инвентаря разнороден и отражает имущественное неравенство погребенных. Так, в одном из захоронений (XIII) почти все металлические украшения (фибулы, пряжки, подвески) были сделаны из серебра, бусы — из янтаря и сердолика. Соответственно богаче была здесь керамика, своеобразна и отделка костяного гребня (рис. 14).

Керамика и мелкий инвентарь в целом очень близки к тому, что дает могильник Марошсентанна, как в смысле самого набора вещей, так и их типов. Керамика вся сделана на круге; лепная отсутствует вовсе.

Предложенная в свое время исследователем этих могильников датировка как Марошсентанна, так и однотипных погребений Марошваагаршеля временем не ранее

¹ I. Kovács. A Marosvásárhelyi...

второй половины III — середины IV в. (250—350) в общем не вызывала и не вызывает особых возражений; она основывается на всем комплексе находок.

Рассмотренные могильники не единственные на р. Муреше, даже в пределах одного округа Тыргу. О других мы просто хуже осведомлены.

Близкого типа могильник с труположениями, ориентированными головами на север, был обнаружен западнее, в районе г. Клужа у с. Палацкя¹. Всего здесь раскопано девять захоронений, среди них одно с подогнутыми ногами. Один скелет был обложен черепицей, другие — камнями; при некоторых погребенных были поставлены сосуды, часть погребений — без инвентаря.

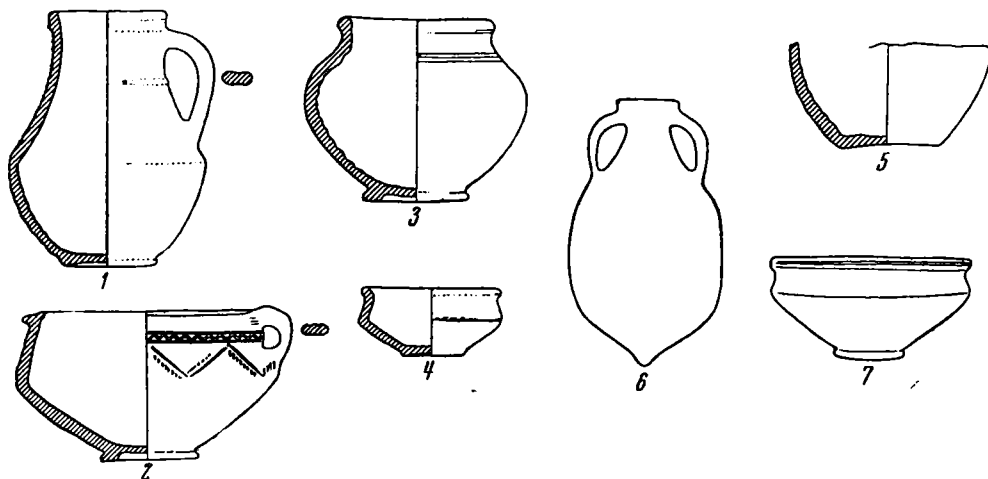

Рис. 15. Посуда из погребения в урочище Буззу

1 — кувшин; 2 — миска с тремя ручками; 3— 5, 7 миски и горшки; 6 амфора

Черняховского облика памятники встречаются и восточнее. Так, в бассейне р. Буззу, на берегу небольшого ручейка, впадающего в р. Сланицу (приток Буззу), было обнаружено разрушенное мужское погребение с семью сосудами². В их числе кувшин биконическо-округлой формы с широким горлом, трехручная миска с желобчатыми ручками, орнаментированная по плечикам зигзагообразными линиями, исполненная лощением (по шейке) и вдавлением (по плечикам), маленькая прямостенная миска, большая миска более грубой работы и два сделанных также на круге кухонных горшка. Местной особенностью керамического набора является наличие в нем амфор, несколько особых, но северочерноморских форм, служивших, очевидно, вместилищем для вина (рис. 15).

На склоне берега ручья обнаружено много обломков керамики, тождественной с керамикой из погребения, что позволяет с полным основанием предполагать наличие здесь поселения.

Близкого типа могильник, по-видимому, также связанный с поселением, обнаружен на р. Быстрице у современного с. Извоар, прославленного своими знаменитыми трипольскими находками (Извоар III)³. Известно семь погребений, из которых обращает внимание одно чрезвычайно богатое женское захоронение, ориентированное на север, с поставленными в головах 17 сосудами. Среди них стеклянный бокал, амфора, черный лощеный кубок типа terra nigra. Остальная посуда — обычные сероглиняные, сделанные на круге кувшины, миски, чаши и горшки.

Среди украшений — две серебряные пластинчатые фибулы, один пинцет, одна ухвертка, 28 стеклянных и пять янтарных бус, один бронзовый ножик. В одном из сосудов лежало два гусиных яйца. Небезынтересно, что в 2 км от могильника была найдена серебряная монета Константина I (306—337). Могильник в Извоаре явно того же типа и времени, что и трансильванские.

Число таких памятников можно было бы еще увеличить за счет открытых в последние годы аналогичных могильников (у сс. Выдастра, Роман, Шпанцов, Трушешты,

¹ I. Kovács. A Marosvásárhelyi..., M. M. Săpăturile arheologice de la Palațca plasa Mociu, jud. Cluj. Studii și cercetari de istorie veche, 1949, стр. 110.

² Ch. Ștefan. Une tombe de l'époque des migrations, à Aldeni (Buzău). Dacia, VII—VIII, 1941, стр. 217—221.

³ R. V. Săpăturile arheologice della Izvoare. Jud. Neamt, Studii și cercetari de istoria veche, 1949, I, стр. 129, рис. 1—5.

Гогошары и др.)¹ и поселений, в том числе на территории самого Бухареста (район Крынгаши с гончарной печью римского типа III—IV вв.)².

Таким образом, в Трансильвании и на Нижнем Дунае с середины III в. и в IV в. известны многочисленные памятники — поселения и могильники черняховского облика, близкие к памятникам Нижнего Днепра и Днестра. Этот факт позволяет утверждать не только существование тесных связей этих районов, но и прямое проникновение черняховской культуры непосредственно с Нижнего Днестра.

6

Особое место в числе районов распространения памятников черняховского типа занимает и Волынь.

Правда, территория Волыни с ее лесистыми массивами и большими болотистыми пространствами изучена (в особенности в отношении интересующего нас периода) крайне слабо. Еще до самого недавнего времени северные ее районы (Припятское Полесье) и северо-западные оставались совершенно неразведанными. Здесь известны были лишь отдельные находки и случайно обнаруженные погребения.

Тем не менее, даже и при современном состоянии наших знаний, есть возможность наметить специфические черты, которые отличают памятники культуры полей погребений на данной территории от соседних, и тем самым поставить вопрос об особом, волынском, варианте черняховской культуры.

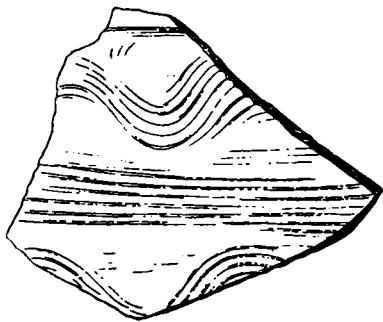

Рис. 16. Образец посуды с поселения в Викнинах-Великих

Памятники черняховского облика и времени распространены здесь далеко не повсеместно. Они отсутствуют на севере, нет их и в центре. На севере известны памятники зарубинецкого типа, генетически, видимо, восходящие к памятникам раннего железного века, на смену которым приходят городища и небольшие курганы с трупосожжением со своеобразной керамикой. Памятники эти, без сомнения, славянские (не ранее второй половины I тысячелетия н. э.).

Центр принадлежит зарубинецкой культуре. Здесь зарубинецкие могильники сопровождаются синхронными с ними селища со слегка углубленными в землю жилищами с глинобитными печами³.

Совершенно иная картина вырисовывается на юге и юго-западе в пределах современной Житомирской области и южных районов Ровенской и Волынской областей.

В бассейне р. Тетерева, на рр. Роставице, Гнилопяти и Гуйве, выступают типично черняховские поселения, близкие (если не тождественные) поселениям Среднего Днепра.

Они густо покрывают солнечные склоны мелких ручейков и рек, вытягиваясь узкой, но длинной полосой вдоль их берегов, на первых надпойменных террасах⁴.

На этих поселениях (некоторые из них были разведаны, другие, как, например, Ягнятин, подверглись и раскопкам)⁵ обнаружены остатки наземных дерево-глинобитных жилищ со стенами из прутьев или мелких плах, обмазанных глиной с примесью соломы или половы. Печи глинобитные, сводчатые, на деревянном каркасе. На поселениях во множестве находят обломки местной керамики, почти исключительно гончарной, и незначительное количество привозной амфорной посуды. Встречаются здесь и другие типично черняховские вещи, в том числе и хорошо датирующие эти поселения.

Отсутствие исследованных синхронных погребений не позволяет решить вопрос о полном тождестве этой группы со среднеднепровской, хотя и дает возможность предполагать это.

¹ Gh. Stefan. Ук. соч.; Radu Vulpe. Le problème des Bastarnes' à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie. Nouvelles études d'histoire présentées au X-e congrès des sciences historiques. Rome, 1955. Bucaresti, 1955, стр. 103—119. B M i t r e a s i C. P r e d a. Săpăturile de Salvare de Gogoșari și Cacleți (r. Guirgiu reg. București). Studii și cercetări de istorie veche, т. VI, 3—4, 1955, стр. 627—640.

² Gh. Radulescu și M. Jonescu. Descoperiri arheologice în raionul Giurgiu. Studii și cercetări de istorie veche, стр. 297—301; V. Zirra și M. Tudor. Crângași Șantierul arheologic, București. Studii și referate..., ч. I, 1954, București, стр. 309—323.

³ Ю. В. Кухаренко. О памятниках раннеславянского времени на Полесье УССР. КСИА, вып. 4, стр. 48; его же. Некоторые итоги изучения Припятского полесья. КСИА, вып. 7, стр. 91.

⁴ В. К. Гончаров. Археологічна розвідка по р. Роставице в 1946 р. Археологічні пам'ятки, вып. I, 1949, стр. 237—245; Р. І. В'єзжєв. Археологічні пам'ятки нижньої течії р. Гнилоп'яти. Археологічні пам'ятки, вып. III, 1952, стр. 203.

⁵ Э. В. Махно. Ягнятинська Археологічна експедиція, Археологічні пам'ятки, вып. III, стр. 154—168.

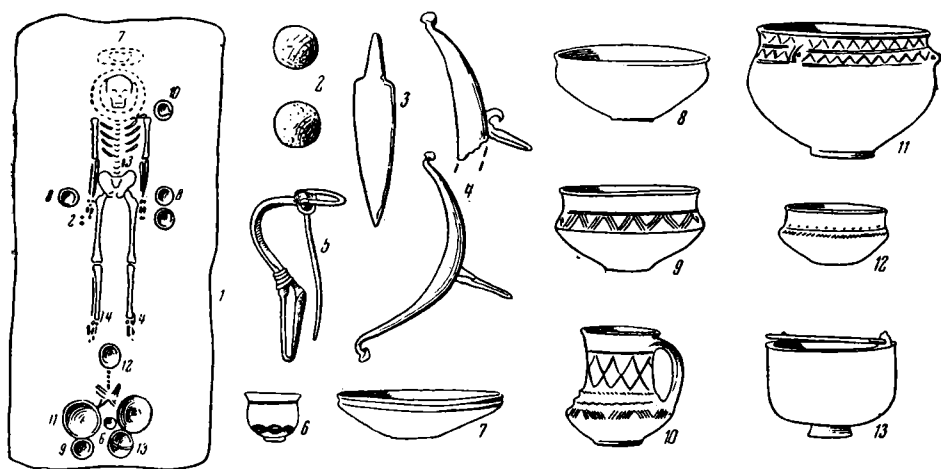

Рис. 17. Погребение в с. Рудках Тернопольской обл.

1 — план погребения; 2 — стеклянные шашки; 3 — ножик; 4 — шпory; 5 — фибула; 6 — стеклянный сосуд; 7—12 — глиняная посуда; 13 — бронзовый сосуд

В южной части Ровенской области, на севере Хмельницкой и Тернопольской и на юге Волинской известны селища черняховского типа, тождественные по топографии и близко расположенные друг к другу, что говорит о густой заселенности края; например, в верховьях р. Горыни и в бассейне р. Иквы, в окрестностях г. Дубно, известно около десятка таких поселений. И в том и в другом районе проводились не только обследования, но и небольшие раскопки. Так, на Горыни, еще в дореволюционные годы были произведены раскопки на поселении в Лепесовке¹. Несколько выше, почти у истоков реки, на селище в Викнинах Великих копал в 1948 г. М. Ю. Смишко². Обследованию подверглись и районы к северу от указанной территории, на р. Вилии — притоке Горыни³, в окрестностях г. Шумска, а также группа поселений на правом берегу верхнего течения р. Иквы, в окрестностях г. Дубно⁴.

Всюду на этих поселениях, где выявлены пока только наземные жилища, керамический комплекс специфичен. В сс. Викнинах Великих, Костянце и Волице, Мирогоще и Острове Варковецком наряду с типично черняховской керамикой, сделанной на круге, в том числе с орнаментом многорядной волной (рис. 16), обнаружено значительное количество лепной керамики характерных, близких к зарубинецким, пшеворским форм с гладкой или залощенной шейкой и нижней частью сосуда и с туловом, обмазанным песком, смешанным с глиной. Встречается и грубая кухонная посуда в виде небольших горшков почти баночной формы с шероховатой поверхностью и ногтевыми вдавлениями по всему телу сосуда.

Самым крайним восточным памятником, в котором наблюдается такое сочетание пшеворских и черняховских элементов в керамике, является поселение в с. Пражеве Житомирской области⁵, расположенном несколько севернее Ягнятинского селища.

Раскопками, начатыми в 1945 г. Е. В. Махно и продолженными в 1956 г. И. С. Винокуром и Ю. В. Кухаренко, на Пражевском поселении обнаружены остатки как наземных, так и углубленных жилищ значительных размеров⁶. Вышеописанная лепная посуда составляла здесь основную, наиболее многочисленную группу керамики.

При раскопках могильников, связанных нередко с прилегающими к ним селищами, а также при исследовании отдельных погребений в с. Деревянном близ г. Клебани⁷, в с. Новоставцах Ровенского района и области⁸, в с. Горке-Полонке Луцкого района, в

¹ Я. А. Яроцкий. Поле погребений в Лепесовке. ИАК, вып. 29, стр. 54—64; А. А. Спицын. Поля погребальных урн, стр. 64. Здесь были открыты и гончарные печи. См. М. А. Тиханова, Культура западных областей Украины в первые века нашей эры. МИА, № 6, 1941, стр. 262—265.

² М. Ю. Смишко. Селище доби полів поховань у Вікнинах Великих. Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 111—121.

³ М. Ю. Брайтчевський. Розвідка слов'янських пам'яток на Воліне-Подільському прикордонні (Матеріали Дубно-Кременецької експедиції, 1948). Археологічні пам'ятки, вып. III, Київ, 1952, стр. 401—403. Сообщение автора о разведке Днестровско-Волинского отряда Славянской экспедиции ИИМК АН СССР в 1956 г.

⁴ М. Ю. Смишко. Розвідувальні розкопки на поселенні пізнього періоду полів поховань у с. Костянці. Археологічні пам'ятки, вып. III, стр. 365—378; е го же. Розвідувальні розкопки в с. Волиці. Археологічні пам'ятки, вып. III, стр. 352—365.

⁵ Э. В. Махно. Поселення культури полів поховань..., стр. 169—175, табл. I.

⁶ Сообщение Ю. В. Кухаренко.

⁷ См. ZOW, XI, 1936, стр. 60—61 и XIII, 1938, стр. 126—127.

⁸ T. Sulimirski. Sprawozdanie z badań wykopaliskowych na Wołyniu. ZOW, 1938, стр. 226—227.

самом Луцке обнаружено сочетание погребений пшеворского типа с трупосожжениями и погребений черняховского облика с труположениями. Керамика в погребениях также смешанная. В этом же плане заслуживает специального внимания одиночное богатое труположение IV в. в с. Рудках Кременецкого района Тернопольской области, случайно открытое в 1936 г.¹ Погребенный лежал на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища, и головой, обращенной на северо-запад; череп его был присыпан тонким слоем земли и накрыт глиняной лепной миской, в свою очередь прикрытой второй миской — бронзовой.

В головах и в ногах покойника стояло 11 глиняных сосудов, сделанных на круге, два бронзовых и один стеклянный. Здесь же были найдены серебряная фибула, две серебряные шпоры, стеклянные шашки. В ногах лежал скелет свиньи и при нем маленький серебряный ножичек с кольцом от рукоятки (рис. 17)².

Обращает на себя внимание не только богатство погребального инвентаря, но и исключительное (для мужского погребения) обилие сосудов, в том числе и импортных, и их смешанный характер. Так, наряду с кувшином типично черняховских форм, здесь встречена трехручная миска с округлым бочком и маленькими ушками, очень близкая к сходным, лепленным от руки, пшеворским изделиям; а глиняная миска, накрывавшая голову покойника, весьма близка к зарубинецким типам посуды. Специфические особенности, не свойственные черняховским труположениям, наблюдаются и в деталях погребального обряда (посыпание головы покойника землей и накрывание ее сосудом). Угольки, обломки костей животных и битой посуды, обнаруженные в засыпи погребения, вероятно, представляли собой остатки тризны, совершенной на могиле умершего.

Говоря о волинском варианте черняховской культуры, специфичность которого проявляется в отчетливо выраженном сочетании собственно черняховских элементов с местными и западными зарубинецко-пшеворскими, нельзя не обратить внимания и еще на одно обстоятельство. На Волинии, притом в западных и северо-западных ее районах, и на правобережье р. Западный Буг сосредоточены находки золотых римских монет и крупные монетно-вещные клады — Борочицкий³ и Ласковский⁴. Зарыты они не ранее конца IV — начала V в. и являются одними из самых крупных сокровищ этого времени, известных до сих пор.

В заключение коснемся кратко вопроса об этническом лице носителей черняховской культуры. Вследствие неполноты фактического материала и неразработанности самой проблемы сложения и развития этнических групп вопрос этот является крайне сложным и слабо исследованным. Тем не менее до недавнего времени советская археологическая наука считала этот вопрос не дискуссионным. Культура полей погребений в целом, как и черняховская культура, определялась как славянская; в носителях последней видели антов, предков юго-западной группы восточных славян⁵. Долгое время разделяла эту точку зрения и автор настоящей статьи, правда с известными оговорками⁶.

Обзор памятников черняховской культуры показал, что, наряду с их единообразием на широких пространствах лесостепной полосы Восточной Европы, существуют достаточно отчетливо выраженные локальные особенности, проявляющиеся в домостроительстве, в керамике, украшениях и орнаменте, в погребальном обряде. Последний с точки зрения определения этнической принадлежности представляет особый интерес.

Не следует, однако, забывать, что сходство и различия в погребальном обряде не всегда обуславливаются этническими различиями. Способ захоронения нередко стоит в связи с обстоятельствами смерти погребенного; ориентация отдельного погребения

¹ В 1956 г. поблизости от места погребения нами было обнаружено многослойное селище с остатками и данной культуры.

² А. Сункаловски. Grób gocki z epoki cesarstwa rzymskiego ze wsi Rudka pow. Krzemienieckiego. Zycie Krzemienieckie. Rok V, 1936, стр. 349, слл., ZOW, 1936, 10—11, стр. 143; ср. М. А. Тиханова. Культура..., стр. 261. Германские и польские археологи обычно видят в погребенном в Рудке гота или гепида. Приведенные выше данные заставляют отнестись к такому определению с осторожностью. Правильнее будет поставить вопрос о смешанности того населения, которое составляло военную знать готов-гепидских отрядов, один из представителей которой был, очевидно, погребен в Рудке.

³ См. М. А. Тиханова. Борочицкий клад, стр. 301—317.

⁴ Э. И. де Витте. Археологическая находка в с. Ласкове Владимиро-Волинского уезда в 1610 году. Чтение в Историческом обществе Нестора Летописца, кн. 14. Киев, 1900, стр. 85—101; М. А. Тиханова. Забытый памятник (Волинский клад 1610 г.), Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 год. Отделение истории и философии АН СССР. М., 1947, стр. 81.

⁵ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена; Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1 и др.; М. Ю. Брайтчевский. Антский период в історії східних слов'ян. Археологія, т. VII, стр. 21 и многие другие работы, в том числе, как уже говорилось, и чисто исторические, включительно до последних многоотомников по истории СССР и учебников.

⁶ Я датировала черняховскую культуру только в пределах первой половины I тысячелетия н. э. и отрицала преемственную связь ее с культурой Киевской Руси.

могла быть связана с теми или иными предметами, о самом существовании которых мы в настоящее время можем и не подозревать, или с ориентацией всего могильника. Нельзя также забывать, что прерывность в развитии материальной культуры на определенной территории далеко не всегда означает прерывность в развитии ее носителя определенной этнической группы; непрерывность же, в свою очередь, не есть прямой показатель непрерывного пребывания одной и той же этнической группы на данной территории. Непрерывность может означать, что древнее население могло быть ассимилировано пришлым, но, восприняв его язык, удерживало, однако, свою культуру, усвоив из пришлой только некоторые второстепенные черты.

Не следует переоценивать и самые возможности археологии. Нет сомнения, что одни археологические памятники, при всей их значимости и ценности, без дополнительного привлечения другого рода источников далеко не всегда могут ответить на вопрос об этнической принадлежности оставившего их населения. Тем более нельзя ими ограничиться тогда, когда наряду с археологическими памятниками мы располагаем, хотя и очень скудными, письменными источниками.

В последних мы встречаем существенные данные об этнических группах, этнографические характеристики, наблюдения, замечания, нередко отражающие не только учиную традицию, но и конкретную действительность. Наряду с однослойными этнонимами в них встречаются и сдвоенные наименования племен, как-то: лугий-сарматы, веныды-сарматы, кельто-скифы, алано-скифы, тавро-скифы и т. п. Если недопустима переоценка значимости этнонимов, то не менее вредна и гиперкритика в отношении последних. «Сдвоенные» наименования следует понимать как отражение реального смешения, ассимиляции племен, которые, очевидно, достаточно долго удерживали двуязычие, а иногда и троязычие, лишь постепенно сменявшееся одноязычием.

Использование такого рода данных письменных источников важно и потому, что оно не позволяет недоучитывать сложность этнического состава населения. Тем самым может быть избегнута грубая ошибка, нередко встречающаяся последнее десятилетие в работах археологов, — огульное зачисление в число славян чуть ли не всех земледельческих племен этой поры и забвение факта наличия наряду с местным населением пришлого населения. Вряд ли можно сомневаться, что как то, так и другое объясняется отзвуками влияния Н. Я. Марра с его гипертрофированным автохтонизмом и нигилистическим отношением к передвижениям в истории племен и народов. Между тем эти передвижения сыграли не малую роль в жизни отдельных племен и целых их групп и отразились на темпах их развития и их культуре.

Рисуя этническую карту Восточной и Центральной Европы на рубеже и в первые века нашей эры, древние авторы, греческие и латинские, говорят о многочисленных племенах различного этнического облика, населявших степные и лесостепные пространства на границах римского мира. Они показывают территорию Сарматии, заселенную в восточной, приднепровской ее части собственно сарматскими племенами кочевников, живущих, однако, в постоянном общении с населением Подунавья и Прикарпатья. Оседлое же население представлено здесь в основном фракийскими (геты и даки) и кельто-фракийскими племенами (бастарны) — в Прикарпатье и Подунавье и лугиями и венедами — в Повисленье. Где находятся северные и восточные границы последних, источники не говорят.

Обычно при сопоставлении данных археологических памятников и письменных источников отмечаются определенные расхождения между теми и другими. В то время как археологические памятники показывают значительное единообразие материальной культуры, особенно для периода II—IV вв. н. э., древние авторы рисуют большую дробность населения и его пестроту. Некоторые исследователи объясняют такое расхождение тем, что древние географы, Птолемей и его предшественники, отражали якобы в своих описаниях не столько этническую, сколько политическую картину своего времени, не свободную к тому же от анахронизмов¹.

Как нам представляется, особого расхождения здесь нет; во всяком случае, оно не больше, чем между описанием Скифии Геродотом и археологическими памятниками его времени, хотя в отношении них признается полное совпадение².

Географы I—II вв., и прежде всего Птолемей, при всех неточностях географической сетки и искажениях в названиях отдельных племен и географических пунктов рисуют реальную действительность своего времени. Так, Птолемей правильно вскрывает основную тенденцию к сложению крупных этнических массивов и политических объединений, рисуя великие племена, которые представляют, несомненно, племенные союзы родственных племен. Тенденция эта, нарастающая в последующие века (III—IV вв.) и проявляющаяся в унификации культуры, прослеживается в «Tabula Peutingeriana»³ и других источниках III—IV вв.⁴

¹ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, 2-е изд., стр. 109.

² Там же, стр. 105.

³ Римский дорожник III в. н. э.; составлен, видимо, около 270 г.; в основе его лежит более ранний источник, возможно, карта мира Випсания Агриппы (умер в 12 г. до н. э.).

⁴ Scriptores Historiae Augustae.

Какие же выводы в итоге всего сказанного можно сделать об этническом лице носителей черняховской культуры? Была ли эта культура этнически единой или охватывала не только родственные, но и чуждые по происхождению племена?

Черняховская культура — явление сложное; в формировании ее принимали участие различные элементы, она слагалась под сильным воздействием западной среды (кельты) и испытывала постоянное влияние дунайских и северочерноморских центров. Нам представляется, что черняховская культура не была этнически однородной, а принадлежала многим племенам.

Носителями черняховской культуры в Среднем Поднепровье являлось сильно сарматизованное местное земледельческое население, жившее в постоянном общении с черноморским югом и с юго-западом. Оно не только испытывало сильное культурное влияние Причерноморья, но в известной мере и само пополнялось за счет оседания сарматов, с одной стороны, и притока населения с запада и с юго-запада, с другой, в условиях сначала бастарнского, затем гетского наступления, римской оккупации Дакии и, наконец, значительной подвижки населения в период так называемого великого переселения народов.

Культура полей погребений черняховского облика охватывала племена, этнически разнородные — позднескифские, славянские, дако-гетские, сарматские и другие, в том числе и собственно германские племена, которые наряду с иными входили в состав готских племенных союзов в период максимального расширения последних в IV в.

Все это объясняет, почему черняховская культура при всем ее внешнем единообразии сохраняла свои местные локальные отличия. Они, несомненно, вызваны отличиями ее носителей — скифо-сарматских племен на востоке, гето-фракийских — на западе, в Поднепровье, и славянских — на северо-западе.